

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Сергея Дороша
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

ТЕМНАЯ СТОРОНА ЛУНЫ
СХИМНИКИ. ЧЕТВЕРТОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Сергей ДОРОШ

СХИМНИКИ.
ЧЕТВЕРТОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Роман

Москва, 2013
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Д69

Серия основана в 2004 году
Выпуск 500

Художник
С. Дудин

Дорош С. В.
Д69 Схимники. Четвертое поколение: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013.— 569 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1616-5

Наследник самого могущественного княжества и «лишняя» княжна, малолетний воришка и дочь прославленного воеводы. Что может быть общего у таких разных людей с такими разными судьбами? Лишь то, что они пошли следом за странным путником по прозвищу Искатель и оказались в круговороте мощных сил, вообразить которые просто не могли. Они станут свидетелями и невольными участниками страшного противостояния ради права одного человека решать за весь мир.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1616-5

© Дорош С. В., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

Посвящается Юле (Воппу) Горобинской и моему брату Николаю (Колясе) Безуглому.

Спасибо за поддержку. Без вас эта книга так и осталась бы лежать в недрах моего компьютера

Часть первая

ПУТЬ БЕЗ ЦЕЛИ

Глава 1

ЛОВЕЦ

Человек — странное существо. А уж его фантазия меня всегда вводила в недоумение. Стоит чему-либо поразить его воображение, и он тут же начинает рассказывать об этом другим. Но это как раз понятно. А вот почему с каждым новым рассказом он добавляет чего-то от себя? Сперва — лишь приукрашивает детали. Потом обязательно переставляет события так, чтобы в их течении и последнему дураку была видна предопределенность, печать судьбы либо каких-то еще высших, неведомых сил. Ну а потом фантазия пересказчиков добирается и до сути событий. Последними, как правило, страдают герои. Хотя почему страдают? Им обязательно дорисовывают каких-нибудь древних, знатных предков, возведя родовое древо чуть ли не к сотворению мира. Даже если жизнь героев до того, как они попали в историю, была непримечательна, рассказчик обязательно влетет в нее таинственные события и знамения, свидетельствующие о будущем величии. И вот через год или два слушаешь чей-нибудь рассказ о том, чему сам был свидетелем, и задумываешься: полноте, а не дурак ли я? Не подводит ли меня память? И точно помнишь, что все было иначе, но ведь такое множество людей, твердящих, что рассказчик прав, не могут ошибаться! Ну один, ну два, ну десяток — это еще куда ни шло. Но не целый народ! Не могут же ошибаться летописцы, вносящие в свои хроники повествование о событиях со слов безвестных пересказчиков! Ну а рассказы истинных свидетелей, уступающие в красочности и величественности гуляющим в народе пересказам, ждет незавидная судьба. В лучшем случае они сохранятся в качестве апокрифов, которых не признают

серьезные историки. Ну а в худшем их ждет забвение. И уж точно истинная суть происходящего будет погребена под грудой красочных деталей — ведь самого главного глазами не увидеть.

Уверен, что историю, свидетелем и участником которой я стал, ждет та же судьба. Что касается меня самого, то обо мне либо забудут, либо сделают внебрачным отпрыском какого-либо знатного рода, заодно щедрой рукой подбросив парочку выдающихся деяний. Хотя на самом деле я сын простого переписчика книг. Своих отца и мать знаю. В их жилах не текло ни капли благородной крови. Жили они в любви и согласии, и мать даже не могла помыслить об измене, потому что любила моего отца больше жизни. Она была из тех женщин, которым надежность простого, ничем не замечательного супруга в сто раз дороже ореола славы. Да и внешне она не выделялась настолько, чтобы на нее обратил внимание заезжий дворянин. Впрочем, в последний раз я видел ее очень давно, образ матери померк в моей памяти. Остались лишь чувства. Остались воспоминания о размеренности жизни, в которой каждый следующий день похож на предыдущий. Воспоминания о чувстве надежности и уверенности в завтрашнем дне. О вечерних трапезах в кругу нашей небольшой, но дружной семьи и почему-то о пироге с яблоками, который так любил мой отец и который получался у матери просто восхитительно.

Я не знаю, живы ли еще мои родители. Я не знаю, где сейчас мои брат и сестра. Наши пути разошлись очень давно. Я покинул дом в тихом городке, променяв уют и надежность на поиск чего-то. Моим домом стала дорога. Моей семьей... Впрочем, до этого мы еще дойдем.

А история моя началась перед городом, называемым Золотой Мост. Да, прямо перед его воротами. Утро едва-едва забрезжило, но у городских ворот уже выстроилась длинная очередь из телег. Золотой Мост раньше назывался Торжок. Правда, было это давно, задолго до того как город стал самым большим и богатым в нашей части мира. Человеческая фантазия, как я уже и говорил, странная вещь. То она цветет буйным цветом, а то пасует перед простенькими задачками. Сколько за свою жизнь видел мест с этим названием — сосчитать нельзя. Стоит в деревне возникнуть стихийному рынку, на который съезжаются купцы и жители окрестных селений хотя бы десять лет подряд, — и уже называют ее Торжком, а если из-за этого селение разрастается, то могут переименовать в Торжище. Удивительно ли, что жители Золотого Моста сменили название города, как только он разросся и стал знаменитым?

Но главное богатство городу принесла торговля с Заморьем.

Только у него был серьезный торговый флот, и мост между двумя континентами действительно стал золотым. А где золото — там и любители его прикарманить как законным, так и незаконным путем. Потому досмотр купеческих телег здесь был самым тщательным. Стражники искали контрабанду, считали ввозимый законный товар. Чиновник тут же все записывал, задумчиво шевеля губами и делая какие-то пометки, высчитывал сумму ввозной пошлины, купец расплачивался, это тоже записывалось, другой чиновник выписывал ему разрешение, купец платил небольшую пошлину за само разрешение... Думаю, можно не продолжать. И так понятно, что если встал в очередь с утра — то хорошо, если к вечеру дойдет до тебя дело. А я прибыл именно с торговым караваном.

Но чуть в стороне образовалась другая очередь. Как-никак много простых путников шли и ехали в Золотой Мост. Их пропускали отдельно, и делалось это гораздо быстрее, без бумаг и прочей волокиты. Потому я решил, что пора мне расстаться со своими спутниками.

Хозяин каравана нахмурился.

— Жаль, Искатель, — покачал он головой. — Очень жаль. Я-то надеялся, ты с нами останешься, и обратно вместе пойдем.

Я знал, почему он так охотно взял меня. До Золотого Моста путь был нетруден. Вез он железо. Какой разбойник на него позарится? А вот назад повезет почтенный купец полную мошну золота да телеги заморских товаров. Вот здесь я бы ему и пригодился.

— Прости, почтенный Фрол, — развел я руками. — У тебя в городе свои дела, у меня свои.

— Вот. — Он протянул мне пять полновесных золотых монет. Странно, ни один купец не знал, как назвать эти деньги, которые причитались мне в конце удачного пути. У них не поворачивался язык сказать «жалованье», словно бы это слово могло меня обидеть. Все они просто протягивали монеты со словами «Вот, возьми, это твое».

— Возьми, это твое. — Фрол не нарушил моих ожиданий.

— Обычно беру три монеты, — заметил я.

— Бери, Искатель, — покачал он головой. — Благодаря тебе мы успели вчера вечером пройти имперскую таможню. Тем, кто сегодня подошел, сказывают, пошлины на вывоз железа в четыре раза взвинтили. А были они и так немалыми. Так что бери, ежели назад со мной пойдешь, десять монет твоими будут.

Я взял с его ладони четыре полновесных, недавно отчеканенных империиала. Так называлась новая имперская монета. Не глядя спрятал их в пояс.

— А эту лучше серебром и медью разменяй, — попросил я. —

В таверну с золотом идти неохота. Большой город, сам понимаешь.

— Ох, Искатель, ох, шутник. — Фрол расхохотался. — Да ты же любого грабителя заболтаешь не хуже, чем вчерашних таможенников.

Но все-таки полез по карманам, и вскоре из его широкой ладони в мою перекочевала горсть серебра и меди. Пересчитывать не стал. Знал, не обманет купец. Не таков был Фрол, чтобы жульничать на мелочах. К тому же он очень рассчитывал на обратный путь в моей компании.

Я же не знал, скоро ли соберусь куда-либо. Окинул купца быстрым взглядом. Фрол был низеньким, крепко сбитым мужиком. Круглое лицо, борода лопатой, хитрые глазки да нос картошкой. Не было в нем ни капли благородной крови, зато была крепкая крестьянская домовитость и смекалка, позволившая разбогатеть сыну землепашца. Мое внимание привлекла его одежда — старый кафтан был весь в заплатках, шапка на коротко подрезанных седующих волосах хоть и опушенная лисьим мехом, но сильно потрепанная, а в мехе заметны изрядные проплешины.

— Чего так вырядился? — улыбнулся я.

— Так к таможенным чиновникам на поклон иду, — пожал он плечами. — Вот ежели бы ты с нами остался да договориться помог. Как ты вчера ловко: «Вечер добрый, как служба? Да у меня племянник тоже... я им горжусь, полезное дело делает, достаток родного города приумножает, закон охраняет». А они уши-то и поразвесили.

— Ты, Фрол, хорошо если до вечера в город попадешь, а мне ждать недосуг.

— Ну добро, ты человек вольный. Твоим я их долю уже отдал, по две монеты, назад дней через десять собираюсь. Если надумаешь, милости просим. Стол обеспечим, как у анпиратора, и деньгами не обижу.

— Фрол, не первый раз вместе ходим. Ты же знаешь — с кем пришел, с тем и ухожу, если уходить надумаю, — ответил я. — Так что не волнуйся, ты — первый в очереди.

— Ну и славненько, — заулыбался он, отчего в уголках глаз купца собрались целые стайки морщинок, а взгляд стал казаться еще хитрее, чем на самом деле.

Я занял свое место в очереди. Была она более многолюдна, но двигалась, как я и говорил, не в пример быстрее, чем та, которую составляли купеческие караваны. Я уже успел понять, что в последнее время в Золотой Мост бежало множество людей из всех концов Империи, вот только в кармане у них не было ни гроша, а

все пожитки уместались в тощую заплечную сумку. Большинство из них не было удостоено даже поверхностного досмотра. Стражники морщились недовольно, взимали положенный налог, понимая, что ничем сверх него не разживешься, и пропускали «имперских голодранцев». Город манил иллюзией достатка. Жаль, что большинство тех, кто сейчас с надеждой ждет своей очереди пройти сквозь его ворота, закончат свои дни на помойке либо в портовых кабаках. Город жесток. Здесь каждый сам за себя. Если оступишься, никто не придет на помощь. Особенно сложно это понять выходцу из сельской общины. Там ведь совершенно иные законы. Тому, кто попал в беду, помогают всем миром. Но как говорит один мой друг, это — прогресс, в городах — будущее человека, город отсеивает слабых. Я не всегда согласен с ним, но здесь он, похоже, прав. Этого вспять не повернуть.

Передо мной стоял мужчина лет двадцати пяти. Одетый в длинную рубаху из небеленой домотканой холстины, изрядно поношенные штаны, подпоясанные простой веревкой, на которой, однако, висел массивный мясницкий тесак. На ногах у него были какие-то обмотки, происхождения которых не смог определить даже я. А на голове — слегка окровавленная повязка. Не надо быть умником, чтобы понять, что он как раз из крестьян. Наверняка крепостной, бежал в город, напоролся на имперский разъезд, но все-таки проскочил. Исхудавшее тело — видимо, в последнее время недоедал. Он заинтересовал меня. Ради чего покинул сытое спокойствие Империи, окунувшись в неизвестность?

— Утро доброе, — поприветствовал я его.

Крестьянин испуганно обернулся. Взгляд его сказал мне о многом. Сперва перепуганный, как у затравленного зверя, который почувствовал сзади дыхание близкой погони. Потом оценивающий. Он осмотрел мою потрепанную одежду, стоптанные сапоги, широкий удобный пояс, на котором не было оружия, зато хватало отпечатков прожитых лет и пройденных путей. Видимо, решил, что я ему ровня по происхождению, и тут же выражение глаз изменилось на слегка надменное.

— И тебе утро, человек, — ответил он.

— Ты из имперских подданных будешь? — Я вложил в голос едва заметные нотки, которые должны были вызвать расположение ко мне, затронув струны, неведомые большинству людей. Взгляд крестьянина потеплел.

— Да вот, — развел он руками, — подался сюда в поисках лучшей жизни.

— А чем старая не нравилась?

И вновь испуг в глазах. Я тут же утратил всякий интерес к это-

му крестьянину. Все ясно, как светлый день. В родном селении он начинал с крикливого возмущения новыми порядками, с укора родичам, которые бездумно и беззаветно эти порядки поддерживали, променяв свободу принимать решения на миску каши, щедро сдобренной сальными шкварками. Потом наверняка были и драки, в которых ему объяснили, насколько он неправ, побег, скитания, имперские стражники и егеря, голод в пути и постоянный страх. Потом ночной бросок через границу, разъезд, шальная стрела, оставившая отметку на его виске. Именно шальная, потому как имперские лучники никогда не были особо меткими. Далеко солдатам, которых учат всего-то полгода от силы, до мастерства степных кочевников из народа хунну, или жителей северных лесов, для которых лук — первая игрушка в детстве. Их приучали стрелять, целясь в корпус. В горло или глаз они бы просто не попали. Моего собеседника эта стрела оглушила, он скатился в овраг, и в ночной темноте солдаты его не заметили. Простое везение привело его сюда, а совсем не твердость воли, стремящейся к намеченной цели. Для меня он был бесполезен, потому что пережитый страх останется в нем навсегда.

Он начал что-то отвечать, о чем-то рассказывать, но я уже не слушал. Нет, я не имперский дознаватель, который видит допрашиваемого насквозь, я просто очень хорошо знаю людей. И обрывки фраз, доходившие до моего сознания сквозь пелену скуки, даже не дополняли нарисованной мною картины жизни этого беглеца, а только подтверждали предположения и выводы. Этот человек живо напомнил мне глухаря. Когда начинал рассказывать про себя, он уже не видел и не слышал ничего вокруг. Главное — чтобы имелся слушатель.

Но под его мерное бормотание я, бросая взгляды на уже изрядно продвинувшуюся вперед очередь, вдруг уловил что-то выбивающееся из общей картины. Сначала не понял, что привлекло мое внимание столь властно. Какая деталь смутила. И лишь пройдясь по людям впереди меня вторым, более пристальным взглядом, я выделил из толпы его. Всего лишь одно короткое, угловатое движение, замаскированное просторными одеждами, но я был готов, я узнал его и понял, кто сейчас общается с таможенными стражами.

Он был ниже меня ростом, коренастый, с широким лицом, чуть приплюснутым носом, глаза узкие, а скулы — выступающие. Жиденькой бородки он не брил. Словом, типичный хунну, ордынец, как называли их веныды. Правда, почему-то пеший. Обычно его сородичи путешествовали только верхом. Одежда носила следы многочисленных странствий. Халат непонятного цвета пест-

рел множеством заплаток из шкур каких-то зверьков. меховая опушка малахая давно полиняла. Добротные когда-то сапоги нынче расползались на части и были кое-где подвязаны простой веревкой, чтобы не оторвалось окончательно голенище или не отпала подошва. За спиной его была скатка из не очень толстого войлока, перевязанная сверху и снизу. Она служила степняку постелью на привалах и сумкой на переходах.

Казалось бы, на таком оборванце даже въедливый взгляд таможенного чиновника не остановится, а поди же ты, стража не спешила пропустить его в Золотой Мост. Четыре рослых солдата обступили степняка, нависая над ним, будто скальные утесы. Ярко сверкали на солнце шлемы-морионы, начищенные до блеска кирасы, наплечники и набедренники. Стражники были вооружены алебардами и короткими мечами, но у каждого на поясе висело не меньше четырех пистолей. Я знал, что Золотой Мост никогда не скупится, вооружая своих защитников, но это было слишком уж много. По четыре новеньких пистоля с длинным нарезным стволом. До сих пор я о таких только слышал.

Занятый разглядыванием вооружения стражи, я чуть не пропустил самого главного. Только привычка позволила заметить, как необычно напряглись мускулы степняка, как изменилась его поза. Никто, кроме меня, не увидел ничего. Для них все оставалось по-прежнему. А я прочитал развитие событий, словно в открытой книге. Вот степняк делает еле заметный шагок, его правая рука толкает одного стражника в грудь, а левая легко завладевает коротким мечом. А дальше...

Этот степняк — мой кузен, а значит, у четверых стражников нет против него шанса, и не так важно, вооружен он или безоружен. Я бросился вперед, полностью беря под контроль свое тело, регулируя в нем все до мелочей, начиная от дыхания и сердцебиения и заканчивая каждой мышцей, чувствительностью каждого нерва. Никто ничего не заметил, внимание всех было сосредоточено на других вещах. Только недавний мой собеседник клацнул зубами, закрывая свой болтливый рот. И правая ладонь степняка встретила мою левую ладонь. А левую сжала моя вторая рука. Его раскосые глаза сверкнули бешенством, и лишь потом в них появилось понимание, когда я уже кричал самым медоточивым голосом, на который был способен:

— Друг мой! Ах, какая встреча, какая встреча! И где! Перед славными воротами лучшего из городов!

Тембр моего голоса, последовательность слов — все это входило в резонанс с телами стражников, заставляя их расслабиться, успокаивая, настраивая на веселый лад. И никто не догадался,

что прямо перед ними столкнулись две силы, способные крушить камни в песок. Короткий миг все висело на волоске, потому что степняк, как и я, мобилизовал все резервы своего тела, не уступающие моим. И вдруг его мышцы расслабились, нервы, натянутые, как струны, вернулись в обычное состояние. Он широко улыбнулся и произнес:

— Как же я рад этой встрече!

Поняв, что происходит что-то необычное, к нам направился еще один стражник. Доспехи его сверкали золотыми узорами, оружие было богато украшено, а на шлеме развевался плюмаж из перьев. Был он достаточно молод. Утонченные черты лица свидетельствовали о благородном происхождении. Над верхней губой чернели тонкие, тщательно подбритые усики.

— Что происходит? — спросил он твердым голосом, в котором слышалась привычка отдавать команды.

— О, славный офицер. — Я отпустил руки моего кузена, поняв, что он уже спокоен и отказался от намерений применить силу. — Я встретил старого друга и не смог сдержать своей радости.

— Ты кто таков? — Странно, сила моего голоса почти не влияла на этого человека. Он все еще был сосредоточен, собран, готов ко всему.

— Я прибыл сюда вчера вечером с караваном почтенного Фрота из Северной Окраины. Но господин прекрасно знает, как долго приходится ждать, чтобы попасть в его славный город вместе с караваном. И вот я пришел сюда, а здесь встретил старого знакомого. Вижу, у него какие-то проблемы?

— Времена сейчас непростые, — сухо отозвался офицер. — Каждого подозрительного приходится тщательно досматривать.

— Подозрительного? — Я рассмеялся, и никто не смог бы сказать, что смех моему не хватает искренности. — О, господин, я много постранствовал, не побрезгуй советом человека, который столько повидал!

Он был непрост, этот молодой офицер. Не из таможенной стражи — сразу ясно. Больно худощав, больно собран. Таможенников всегда можно узнать по объемистому брюху и маслянистому блеску цепких глаз, сразу ощупывающих, оценивающих, после чего чиновник уже знает, какую взятку готов заплатить стоящий перед ним, чтобы избежать лишних хлопот. Они везде одинаковы, эти люди, живущие, несмотря на небольшое жалованье, лучше многих купцов. Этот же офицер был другим. Мозги его не заплыли жиром, а взгляд не застила алчность. Но к каждому есть свой ключик. Мой собеседник оказался жаден до чужого опыта,

был готов выслушать любого, кто повидал и испытал нечто, недоступное пока ему. И на этот крючок я поймал его.

Он был для меня как источник в пустыне. После жителей Империи, одинаковых в своем почтении к Императору и следовании его идеям, этот живой ум стал просто подарком. В нем я увидел то, чего безуспешно искал в давешнем беглеце из Империи, — настоящего Собеседника. Жаль, как жаль, что не для удовольствия буду говорить я с ним, а для того, чтобы меня и моего кузена-степняка пропустили в город.

— Вы ведь ищите лазутчиков Империи, — прямо сказал я.

— Это не разглашается, — неуверенно произнес офицер. Хорошо, значит, он действительно у меня на крючке, раз пусть и робко, но вступил в обсуждение. Ведь по уставу он не имел на это права.

— Но ведь это смешно. — Теперь тембр моего голоса не успокаивал, а, наоборот, подстегивал, заставлял думать, искать правильные вопросы.

— Неужели ты, простой путешественник, думаешь, что разбираешься в шпионах лучше нас...

Он оборвал себя на полуслове, но я и так уже понял, кого «нас». Каждое уважающее себя государство в наши нелегкие времена содержит тайные службы. А учитывая, насколько растущая Империя сократила количество этих самых государств, понятна настороженность, царящая в Золотом Мосту. Города не всегда берут стальные полки, иногда этому служат золотые кошельки.

— Ты можешь всего лишь выслушать меня, а уж потом решать, есть ли в моих словах зерно истины или одни только плевелы, — пожал я плечами, уже прекрасно зная, что будет он меня слушать, будет, впитывая каждое слово.

— Ну и что же ты узнал в своих странствиях?

— Ну первое, и самое главное, ваше противостояние с Империей давно прошло те времена, когда в город забрасывались одинокие шпионы. Да в этом и нужды нет. То, что наступающая армия должна знать о вашей обороне, и так видят все. — Я красноречиво повел рукой в сторону толстых стен, возвышающихся на десятках ростов взрослого мужчины, на жерла пушек, которыми оцетинились крепкие башни, на часовых, вооруженных ружьями с нарезным стволом, которые назывались винтовками. — Любый разумный генерал легко сочтет армию, которую способен прокормить ваш город, зависящий от караванов с продовольствием из Империи и купеческих кораблей из Заморья. Имена ваших воевод и так у всех на слуху. Нет, в простых шпионах нужды давно нет. Те, кого ты ищешь, молодой господин, придут в ваш славный город вместе с купеческими караванами. И уйдут вместе с ними.

И не будет у них в потайных карманах карты города и описания укреплений. Это любой купец по памяти нарисует и расскажет. Не затем проникнут они в Золотой Мост.

— А зачем? — включился он в разговор.

— Подкуп, — коротко сказала я. — Звонкая золотая монета, которая открывает ворота не хуже осадного тарана или пятка бочонков с порохом. К вам придут степенные купцы, да только товаром их будет человеческая преданность.

— Для этого нужно немало денег, полновесных золотых имперской чеканки.

— Зачем? — Я рассмеялся. — Нет, они не дураки. Сундуки с золотом сразу привлекут внимание. Запомни, молодой господин: если купеческий караван выделяется чем-то подозрительным — это не те, кто тебе нужен. Те, кого тыловишь, будут самыми обычными торговыми гостями, возможно, все они хорошо известны в вашем городе. И нарушений у них будет не больше и не меньше, чем у прочих. Достаточно, чтобы чиновники смогли потребовать свою мзду, но мало для того, чтобы кто-то усмотрел в них какую-то угрозу, словом, как у всех купцов. И денег у них будет, как у всех. А золотые на подкуп ваших людей они вполне смогут получить, продав свой товар, при этом не привлекая ненужного внимания. Вот только продавать его они будут дешевле, чем прочие. Им не нужна прибыль, им нужно быстрее получить деньги и приступить к выполнению заданий — и это первый след для тебя. Ищи тех, чьи цены неоправданно низки. Не все они лазутчики, но лазутчики скрываются именно среди них.

— Но сейчас, когда Империя подняла пошлины на вывоз железа, цены и так будут скакать, — возразил мне молодой офицер.

— Железо. — Я покачал головой. — Именно потому что для вас это самый ходовой товар, имеющий государственное значение, лазутчики с ним не свяжутся. Не свяжутся даже с медью или бронзой. Ведь за каждым, кто торгует металлами, в Золотом Мосту особый надзор, не так ли?

Он молча кивнул, подтверждая мое предположение и уже не заботясь о какой-то секретности. Нет, он не был болтуном, готовым выдать первому встречному все тайны. Просто я не первый встречный. Знающему людей так, как знал их я, не составит труда манипулировать ими по своему разумению.

— Скорее всего, в их телегах будет продовольствие. Как я и говорил, ничего противозаконного. Но здесь кроется второй момент, когда ты сможешь их поймать, не дожидаясь, пока начнут они торговлю и назначат цены своим товарам. В их личных вещах обязательно будут какие-то непонятные тебе химические веще-

ства. И самое главное — эти купцы не смогут вразумительно ответить тебе, что это и для чего оно нужно.

— Почему?

— А потому что никто не ждет внимания к подобным мелочам. Имперский лазутчик просто не готовил ответов на такие вопросы, поэтому будет сочинять на ходу, и разумный дознаватель легко поймает его на лжи.

— А ты, странник, знаешь, что это за вещества?

— Откуда мне это знать? — развел я руками. — Здесь нужен опытный алхимик. Я лишь могу сказать, для чего они используются. Времена, когда тайные послания писали молоком или соком лимона, давно ушли в прошлое. Слишком уж просто стали их распознавать. В вашем славном городе давно изобрели смеси, которые гораздо лучше хранят тайны, и поверь мне, доблестный страж благополучия, лишь опытный и умный алхимик сможет заметить их среди прочих веществ.

Офицер знаком подозвал к себе одного из солдат.

— Быстро на улицу Жестянщиков, — приказал он. — Найди там мэтра Томаша Коссинского. Передай ему, что именем городских властей его присутствие требуется у Восточных ворот. Его труд и драгоценное время будут щедро оплачены из городской казны.

— Ваше благородие, позвольте возразить. — Стражник вытянулся так, что, казалось, он лом проглотил, при этом пожирая начальство глазами, в которых служебное рвение горело ярче портовых маяков.

— Да? — Офицер приподнял бровь.

— Мэтр Коссинский далеко не самый почитаемый в своем цеху мастер.

— Исполняй приказ, солдат. Он не самый почитаемый, зато самый известный в сомнительных кругах. Его опыт в тайных делах сложно переоценить.

— Слушаюсь. — Солдат отдал честь и убежал, причем так быстро, словно за ним гнались имперские конные егеря, известные своей жестокостью.

— Вижу, ты изменил свое мнение о моих советах. — Я улыбнулся уголками губ, еле заметно.

— Упрямство — достоинство ослов, — ответил мне черноусый красавец. — А разумные мысли должно выслушивать с почтением и благодарностью, и все равно, какие уста их изрекают. Хоть и есть у меня несколько возражений. Деньги можно провезти в город в виде расписок. А уж если бы я забрасывал шпионов в Импе-

рию, то разработал бы для них легенду на каждое сомнительное вещество.

— Они не станут связываться с расписками. У купца деньги все время в обороте, а не в кармане. Получив расписку, он тут же расплатится ею за товар, который повезет в Золотой Мост. Купец, поступающий иначе, сразу привлекает к себе внимание. А на счет веществ не забывай: тайная служба Золотого Моста — самая старая. То, что имперцы только постигают, для вас — вчерашний день. Не стоит их переоценивать, впрочем, и недооценивать тоже нельзя.

— Продолжай, странник, я слушаю тебя со всем вниманием, тем более что ты — настоящий кладезь премудростей.

— Всего лишь слабый ручеек, — отшутился я. — Знакомы мне люди, которые разбираются в этих вещах гораздо лучше.

— И все-таки?

— Есть еще один признак. По нему ты сможешь узнать вражеского лазутчика на выходе из города. Насколько я знаю, чиновники записывают, кто ввез сколько товара и сколько золота в Золотой Мост. Конечно, все люди не чужды порокам. Какая-то часть выручки обязательно осядет в кабаках и тавернах, но купцы странствуют ради того, чтобы обогатиться. И если у кого-то золота при выезде из города будет гораздо меньше, чем стоят привезенные им товары, он вполне может оказаться лазутчиком, истратившим выручку на взятки. Умный шпион конечно же попытается закрыть недостающую сумму расписками от местных купцов, но, проверив тех, от кого у них расписки, ты, доблестный страж порядка, можешь либо убедиться в честности подозреваемого, либо раскрыть целую шпионскую сеть.

— Это сложно для понимания. — Офицер встряхнул головой. — Я не столь умудрен в вопросах обращения денег и расписок, как наши ростовщики, но мне кажется, и этот твой совет столь же мудр, как прочие.

— Рад, что смог быть полезен славному городу Золотому Мосту. — Я сбросил наземь свой заплечный мешок. — Тогда, может быть, славные стражи закона и порядка осмотрят мои вещи и пропустят за ворота, а то солнце всходит все выше, и мое горло напоминает палящую пустыню, хотелось бы поскорее промочить его добрым вином.

— В этом нет нужды, — ответил офицер. — Золотой Мост всегда платит тем, кто что-то делает для его блага. Во сколько оценишь ты свою мудрость?

— Мудрость не имеет цены. — Я вновь вскинул свою сумку на

плечо. — Если меня и моего друга пустят без пошлины, это будет достаточной благодарностью.

— Хорошо, мудрый странник. — Офицер склонил голову. — Ты отказался от благодарности города, но от моей ты так легко не отделаешься.

Он снял со своего мизинца перстень и протянул мне. Не особо дорогой, но тонкой работы, с рубином, на котором был тонкими штрихами изображен гончий пес.

— Ценность этого кольца не в золоте, не в драгоценном камне и не в уникальности работы, — пояснил он. — На улице Хрустальных Арок любой укажет тебе дом Изяслава Всеволодовича Саблина. Покажи это кольцо там, и я помогу тебе во всем, что в моих силах.

Вот, значит, как. Род Саблиных был известен в Империи. Оказываешь, и в Золотой Мост в свое время пожаловал кто-то из младших сыновей очередного боярина Саблина да и пустил корни. Впрочем, об этом роде я, кроме фамилии и того, что вотчина их лежит где-то на границе с Диким Полем, ничего не знал. Да и это слышал, когда путешествовал через Дикое Поле с караванами.

Я не стал отказываться. Дворяне — люди странные, некоторые обычные вещи могут принять за оскорбление. Тем более что понравился мне офицер, чего уж там говорить, были у него просто великолепные задатки. Хороший материал, которому не хватает достойного наставника. Как знать, может быть, еще и приду я на улицу Хрустальных Арок, чтобы сделать предложение, от которого на моей памяти и памяти моих предшественников никто и никогда не отказывался.

— Благодарю, благородный господин, — кивнул я. — Успехов тебе в твоём нелегком труде. Мне слишком нравится ваш город, не хочу, чтобы он превратился в безликую частичку Империи, сменив свою яркость на серую сытость ее провинций.

Уже проходя через арку ворот, я услышал позади:

— Утро доброе, честный и славный таможенник, как служба? Да у меня племянник тоже, как и вы, я им горжусь, полезное дело делает, достаток родного города приумножает, закон охраняет.

Обернулся я. Хотя мог бы этого не делать. Я узнал его по голосу. Слишком хорошо помнил высокого, худощавого человека, которому он принадлежал. Его тело, из коего солнце пустынь вытопило весь лишний жир, грубую кожу, выдубленную ветрами странствий. Он носил чалму, бывшую когда-то белой, но ко времени нашего знакомства давно обретшую грязно-серый цвет, намотанную поверх выцветшей малиновой тубетейки. Его удлиненное лицо украшали небрежно подрезанная борода и усы. Нос

больше напоминал клюв хищной птицы. Карие глаза, недружелюбный ощупывающий взгляд, выбритая до зеркального блеска голова. Что о нем еще сказать? Он был небрежен в одежде, но уже по ней каждый, кто путешествовал хоть немного, узнал бы в нем уроженца восточных земель, лежащих за Великой пустыней. Тамашние жители, заведеи, все еще одеваются как их предки, кочевники-бедуины, остатки которых все еще живут в редких оазисах на протяжении всего караванного пути через пустыню и иногда не гнушаются разбоем. Лишь одно у нас было по-настоящему общее — как и я, он не носил оружия. Я лишь скользнул по нем беглым взглядом, а вот внимание моего спутника он удерживал гораздо дольше. Степняк словно впитывал его облик.

— Пойдем, — тронул я его за плечо, — пока доблестная стража не передумала. Скоро к ним вернется способность соображать, и хорошо бы к тому времени нам оказаться подальше, чтобы видом своим не напоминать бдительным хранителям порядка об их неочыной доброте и сговорчивости.

Золотой Мост по праву считался самой неприступной из твердынь. Его ворота поражали воображение. Сколоченные из огромных дубовых брусьев в два слоя и окованные металлом — я не мог представить себе тарана, способного угрожать им. Вполне возможно, они выдержали бы даже прицельный обстрел из пушек. Закрывающий их механизм терялся в недрах надвратной башни. Наружу тянулась только толстая цепь, прикрепленная к створкам, да если присмотреться, можно было заметить в стене торцы кованых брусьев, служащих засовами. Открывались ворота под собственным весом, когда цепи осторожно ослабляли.

Мы вошли в тоннель длиной не меньше тридцати шагов. На другом его конце виднелись вторые ворота, ничем не уступавшие первым, а в стенах хватало бойниц, из которых хищно щерились жерла пушек. Стоит добавить к этому, что каждые ворота охраняло не менее полусотни алебардистов. Если бы враг попробовал забросить сюда отряд отборных воинов, переодетых купцами, дабы те захватили и удержали вход в город до подхода основных сил, таможенные стражники задержали бы их, а алебардисты тем временем были бы подняты по тревоге. Ворвавшихся в тоннель встретил бы залп из пистолей и мушкетов, а пушки залили бы все пространство волнами картечи. Уцелеть в этой огненной купели не смог бы никто. А ворота тем временем были бы закрыты, потому как, даже прорвавшись внутрь, враг не добрался бы до механизма, их запирающего.

Ну а подходящее вражеское войско часовые заметили бы издалека. Город бы заперся, предоставляя нападающим думать, как

штурмовать белокаменные стены толщиной шагов в пятнадцать под огнем многочисленных пушек.

Нам повезло больше. Мы вошли в город без таранов и лестниц. Легко окунулись в его суету. Это казалось таким привычным, словно мы всю жизнь бродили по улицам Золотого Моста. Неприметные домишки нижнего города, темные переулки. Здесь, возле стен, лежали кварталы бедноты. Мы мельком взглянули на караулку, приютившуюся у самых ворот, на длинную казарму, прилегающую к стене, и шагнули в водоворот небольшого рынка.

Здесь продавали всякую мелочь и ерунду, могущую понадобиться путнику после долгой дороги. Громко кричали зазывалы, предлагая свежий квас, пирожки, горячий сбитень, блины, черный и зеленый чай, который так любят в Империи, а то и заморский напиток — кофе. То и дело я замечал в толпе купеческих приказчиков, выделяя их по цепким взглядам, которым окидывался каждый караван. Некоторые из них пытались скупить привезенный товар по дешевке, чтобы потом перепродать гораздо дороже. Другие просто приглядывались, оценивали, чего и сколько сегодня доставили. Умный торговец мог легко предсказать на основании этого, как завтра изменятся цены.

Я легко определил троих согладатаев — наверняка из тех, кто подчинялся Изяславу. Скоро им придут новые указания. Я уже оценил, как быстро работает тайный приказ Золотого Моста.

— Этот, у ворот, был из наших, — услышал я тихий голос моего спутника.

— Знаю. Это — Караванщик, мы знакомы, — ответил я.

— Из чьих он?

— Охотника. А тебя как звать-величать?

— Ловец мое имя, — произнес он, и в голосе мне послышалась настороженность.

— А ты чей? — Я ничем не выдал, что заметил его нервозность.

— Сам свой, — отшутился он, но шутка показалась мне натянутой.

— Не хочешь — не говори. — Я пожал плечами. — Для большего вежества спросил. Ежели не знаешь Караванщика, значит, не Охотников. Остается Дервиш, ведь у Псеглавца никого не было.

— А ты, значит, Экспериментатора? — криво и чуточку хищно усмехнулся он.

— С чего ты взял? — Я рассмеялся. — Караванщика-то я знаю.

— О братьях так не говорят, как ты о нем, — покачал головой Ловец. — А тебя как прозвали?

— Искателем кличут.

— Ну будем знакомы, Искатель, — кивнул он.

Говор Ловца был чистым, без характерного для хунну акцента, он не вворачивал словечек из родного языка, говорил, как любой житель Империи. А вот его нервозность была мне непонятна. То, что он собирался сделать у ворот, не укладывалось в голове. Я не сомневался в способности Ловца проложить себе дорогу в Золотой Мост силой и затеряться в лабиринтах улиц, сбросить со своего следа любую погоню, но зачем это? Как я или Караванщик, он вполне мог заболтать стражу и войти, не привлекая к себе внимания.

— Ты чуть не выдал себя, — заметил я. — Караванщик, как и я, наверняка понял, кто ты.

— «Чуть» — не в счет. Ты-то как раз себя выдал, — как-то слишком уж резко ответил он.

— Никто ничего не заметил, — заверил я его. — Разве что один селянин, но он настолько труслив, что побоится проболтаться. А вот если бы ты начал показывать силушку богатырскую перед всеми — это было бы как красная метка на лбу.

— Я о другом, — качнул он головой. — Сзади, второй переулочек слева. Посмотри.

Я резко остановился, схватил его за плечо, разворачиваясь. Со стороны любой бы подумал, что у нас вышел спор. Я повысил голос:

— О чем ты мелешь! Ерунда все это!

Быстрый взгляд. Так и есть. Он как раз выходил из переулка, неприметный человечек, весьма щуплый, в простецкой одежде, без оружия. И направлялся он вроде бы к торговцу сбитнем, на нас абсолютно не глядя, но я-то сразу понял: боковое зрение развито, — и краем глаза он постоянно держит нас. Ловец сбросил мою руку и несильно толкнул меня в грудь.

— Полегче! — крикнул он. — Так и зубов лишиться недолго!

— Ну прости, погорячился, — развел я руками и уже тише добавил: — Не поверил, значит, Изя сын Севы.

— Поверил, — ответил Ловец. — И сразу же принял совет к исполнению. Я бы на его месте тоже такого знающего человека из поля зрения не выпускал.

— Я приложил все усилия, чтобы перебросить его внимание на кушцов. Самый волевой человек не устоял бы. Мы бы вылетели из его головы, едва ступив за городские ворота.

Теперь мы оба, не сговариваясь, повернули так, чтобы держать соглядатая в поле зрения.

— Вот-вот, — кивнул Ловец. — Потому и не хотел я никого забалтывать. Станные дела творятся в мире. Простые методы — самые надежные.

— Никогда не любил простоты.

Человек Изяслава взял себе кружку сбитня и неспешно двинулся в толпу, прихлебывая напиток. Я усмехнулся. Он был хорошо обучен. Хорошо для обычных людей. Шедшая впереди него высокая черноволосая девушка вдруг остановилась, резко развернулась и вlepила пощечину статному юноше в темно-зеленой рубахе и потертой кожаной безрукавке, с мечом на поясе.

— Ах ты, охальник! — крикнула она. — Руки свои загребущие убери! В борделе их распускать будешь!

Юноша отшатнулся, взмахнул теми самыми загребущими руками, на которые так взъелась черноволосая красавица, задел локтем кружку соглядатая, выплескивая горячий сбитень тому прямо в лицо.

— Держи вора! — тут же раздалось рядом.

Юркий паренек, видимо означенным вором являющийся, ловко вывернул свою кисть из толстой, потной ладони купчишки среднего пошиба и рванул наутек, умело ввинчиваясь в толпу. Толпа забурлила, еще не понимая, что происходит. Паренек вылетел прямо на соглядатая, толкнул его. Человек Изяслава взмахнул руками, теряя равновесие, хрупкая девушка, почти ребенок, попыталась поддержать его, не дать упасть, но эффект оказался прямо противоположным желаемому. Щуплый растянулся на мостовой, и его захлестнула толпа, пытающаяся одновременно и держать вора, и приструнить обнаглевшего «охальника», и понять, что же все-таки происходит.

Правда, конца этой драмы мы уже не видели. Ловец первым юркнул в ближайший переулок, я — следом за ним. Он сбросил свой халат, выворачивая его. Внутри это оказалась добротная одежда из алого сукна, отороченная по краю мехом. Малахай Ловец засунул в свою войлочную скатку, взамен вытащив на свет длинный льняной мешок и кожаный ремешок, которым быстро повязал волосы. Скатка нырнула в мешок, который тут же уютно пристроился за плечами моего кузена. Все это заняло меньше времени, чем надо, чтобы сделать три глотка воды. Я же просто достал из своей сумки алый плащ с капюшоном, набросил на плечи. Вот и все. Яркие цвета, бросающиеся в глаза всем, кроме нашего соглядатая. Он-то как раз будет искать неприметных людей.

Втираясь обратно в толпу, мы видели, как человек Изяслава встает на ноги и, уже не скрываясь, вертит по сторонам головой в поисках нас. Мы с Ловцом разделились. Каждый прокладывал себе дорогу самостоятельно. Конечно, Изяслав послал следом за нами только того, кто был под рукой. Дальше весть передать он еще не успел. А теперь это уже не имеет смысла. Мы сбросили его ищейку со следа.

Мы еще немного потолкались по рынку, приценились к нехитрому товару, которого не собирались покупать, иногда мы расходились, потом сходились вновь, но из толпы выбирались порознь. Широкая улица, мощенная камнем, вела в глубь города. Здесь не было убогих лачуг, все дома — добротные, построенные из камня. Благо горы недалеко, и каменоломен там хватает. Деревянные хижины располагались за внешней стеной. И хотя окраины, как всегда в больших городах, кишели людьми сомнительной законопослушности, если будешь держаться главных улиц, опасаться тебе нечего. Разве что какой-то особо юркий и наглый ворюшка срежет кошелек. А вот подворотни, как и везде, жили своей жизнью. И хоть городская стража дело свое знала, была вооружена и обучена лучше, чем в других городах, где доводилось мне гостить, ночью на окраину не сунулись бы даже они.

Некоторое время мы с Ловцом шли молча. Он держал глаза и уши открытыми. Я же успокоился. То и дело краем глаза ловил его лицо. И лишь я смог бы разглядеть нешуточное беспокойство. Для прочих же лик степняка оставался безмятежен и благостен.

— Тебя-то что сюда привело? — спросил я, чтобы прервать повисшее неловкое молчание.

— Империя меня привела, — недовольно отозвался он. — Душно мне в ней. Ты ведь странствуешь много, должен понимать, о чем я.

О да, я его понимал. Прекрасно понимал. Такие, как мы, живут общением, разговорами, совместными делами, наблюдением, переосмыслением идей. Нам это нужно не меньше, чем воздух. Человек мыслящий и рассуждающий не так, как все, для нас — настоящее пиршество ума. В последние год-два в Империи с этим стало туговато. Как только она приходила куда-либо, начинали твориться странные вещи. Люди становились одинаковыми. Те, кто не мог мыслить по-имперски, как я называл это для себя, либо уходили в повстанцы и очень быстро душились имперскими карателями, либо бежали. Оставались лишь благодушные, сытые, всем довольные. Для обывателя — лучше не придумаешь, а для таких, как я, — душная темница. Империя напоминала мне некое болото, обманчивое спокойствием, но способное утащить с головой в свои омуты неопытного. Впрочем, я упустил еще одну разновидность инакомыслящих. Забыл о тех, кто становился вернейшими слугами Императора.

— Да, понимаю, — кивнул я. — И, видимо, не только нам с тобой в ней душно. Я впервые сопровождал купцов в Золотой Мост. Но чтобы Караванщик ходил этими путями, тоже не слышал. Не случайно мы встретились.

— Ты даже не догадываешься насколько. — Ловец горланно рассмеялся, запрокидывая голову к небу. — Да, Искатель, ты даже не догадываешься.

— Ты, вижу, знаешь больше, чем я.

— Знаю. — Он вдруг посерьезнел и твердо кивнул. — Знаю. Я ведь не просто так в город сунулся. Сперва наблюдал что да как, прикидывал, как бы пройти, не привлекая внимания.

— И что насмотрел?

— Чудные дела творятся. Да, чудные. Три дня назад сюда прибыл отряд чубов, человек двадцать. Они проскакали через Южные ворота под вечер. Их почти никто не видел, купцы редко через Южные в город входят, а стражу предупредили, потому как никто их не остановил и не осматривал, хотя вооружены они были, как на войну... Да, Искатель, как на войну, — повторил он, чуть помедлив. — А во главе их ехал тот, в ком я сразу узнал одного из нас. А он особо и не скрывался. Не в его это характере. Сильный, уверенный в себе.

— Атаман, — кивнул я. — Он, больше некому. Знаю его. Он такой, как ты сказал, сильный и уверенный не только в себе, а и в тех людях, что за ним идут.

— А на следующую ночь кто-то проник в город с севера, — продолжил Ловец. — Да, с севера, и я их едва не прозевал. Они перелезли через стену, кто-то сбросил им веревки, а стража старательно делала вид, что ничего не происходит. На мой взгляд, слишком старательно, но в этом я придирчив. И среди тех, кто перелез по веревкам через стену, тоже был один из наших.

— Не знаю. — Я покачал головой. — Каждый из нас мог бы так сделать. А что за люди с ним, не разглядел?

— Нет. Никаких примет. И это еще не все. Вчера в город въехал новый имперский посол. Так вот, среди его охраны тоже был кто-то из наших. Он старался держаться неприметно, и все-таки я сумел выделить его. Вот после всего этого и решил, что не стоит заговаривать зубы страже. Там вполне могли оказаться подготовленные люди. А силой я сумел бы пройти так, чтобы во мне увидели лишь опытного и умелого бойца, не более.

Я прикинул. Выходило, что около половины подобных нам с Ловцом собрались в этом городе. Это было странно? Раньше я ответил бы «да», не сомневаясь. Но сейчас, когда Империя стала для нас местом воистину негостеприимным, а Золотой Мост остался одним из немногих очагов сопротивления железной поступи ее полков, удивляться нечему.

— А ты что думаешь? — спросил я.

— Мне кажется, — задумчиво промолвил он, — да, пока только

кажется, что нас словно бы собирает сюда кто-то, чтобы прихлопнуть одним ударом.

— Для того чтобы собирать, нужно знать, — возразил я. — А о нашем существовании догадываются очень немногие. К тому же прихлопнуть... — Я задумчиво потер подбородок. — Даже мы с тобой представляем собой немалую силу, а уж если собрать всех, кто недавно прибыл, думаю, для такой охоты не хватит сил и у Империи. Нас ведь совсем не просто убить.

— Непросто, но возможно, — печально возразил он и вдруг насторожился: — Нас преследуют.

— Кто?

— Не знаю. Я их чувствую. Похоже, мы с тобой так и не смогли стряхнуть соглядатаев со своего следа. Ох, чуяло мое сердце, чуяло, под вечер надо было заходить — и сразу на дно ложиться на седмицу, не меньше.

— А ты уверен, что там, на дне, такие, как мы, плечами толкаться не будут? — рассмеялся я. — Сейчас разделимся и сбросим их с хвоста. Если нет, по крайней мере, будем знать, что идет за нами кто-то из братьев или кузенов.

— А где встретимся? Я этот город знаю не очень хорошо.

— Я тоже. Но знаю привычку людей селиться поближе к соплеменникам. Ищи кварталы заведеев. Думаю, смогу определить место, где остановится наш друг Караванщик.

— Зачем он нам? — Ловец нахмурился.

— Наши с ним пути не пересекаются. Он не особо меня любит, но он может знать то, чего не знаю я. Его сведения будут нелишними. Может быть, Золотой Мост — не единственный оазис, куда Империя пока еще не добралась. Тогда я с удовольствием покинул бы этот город.

— Хорошо, — согласился он. — Расходимся.

Выражение наших лиц не изменилось, мы не сбились с шага, не пошли быстрее. Я чувствовал всем телом скользящие по мне людские взгляды, в основном большинстве — безразличные. Иногда пробивался ленивый интерес. И те самые, которые почуял Ловец, напряженные, сосредоточенные. Иногда бывали моменты, когда не чувствовал ни одного взгляда. И в один из таких моментов я резко рванулся вправо, замечая, как мой спутник побежал в противоположную сторону.

В этом не было ничего сверхъестественного, но для всех мы просто исчезли. Прямо передо мной — двухэтажный дом. Чистенький, опрятный, крыша красуется новой черепицей темно-красного цвета. Окно на втором этаже открыто. Дородная хозяйка в чепце и темно-синем платье поливает цветы на подоконнике. Я уловил тот

момент, когда ее глаза смотрели в другую сторону, взбежал по стене, уцепился за подоконник и одним рывком бросил свое тело внутрь, мимо нее. Она меня не заметила. Лишь легкий ветерок шевельнул чепец, но над ним я был не властен. Бесшумный шаг за спину. Горшок с фикусом, через который я перепрыгнул, даже не качнулся. И напрасно теперь будут искать меня соглядатаи, позволившие себе отвлечься, а теперь вынужденные расплачиваться за это упущение.

Оглянулся. Хозяйка дома поливала свой фикус. По стене напротив карабкался Ловец, не уступая пауку ни в скорости, ни в бесшумности. Он цеплялся пальцами, сейчас подобными стальным гвоздям, за каждую щель, каждую прореху в кирпичах, из которых был сложен дом. Резкими движениями он бросал свое тело из стороны в сторону, так же как и я, вырывая его из-под чужих взглядов. Сейчас мы оба были невидимками, при этом оставаясь на виду. Странное умение? Может быть. Но как я говорил, в нем нет ничего сверхъестественного. Всего лишь правильная тренировка тела и чувства, отточенные до бритвенной остроты. Хотя нет, люди еще не умеют делать столь острых бритв.

Хозяйка дома не услышала моих удаляющихся шагов. Дверь скрипнула. Женщина оглянулась, чтобы ничего не увидеть, ибо я был уже на первом этаже.

— Сквозняк, — проворчала она. — Светолика, затвори окна на двор!

— Да, матушка, — откликнулся звонкий девичий голос.

А я уже был внизу, в большой трапезной комнате. Здесь вместо столь привычной печи стоял новомодный камин. На каминной полке — тоже какое-то растение с фиолетовыми цветочками и толстыми мясистыми листьями, покрытыми густым ковром ворсинок. А выше на стене висели две скрещенные сабли. Оружие помнило времена задолго до первой Империи. Видимо, наследие предков. Вся картина являла собой странное сочетание домашнего уюта и замшелой прадедовской воинственности. И ржавчина на ножнах, и натянутая между рукоятями сабель паутина с жирным пауком в центре лучше любых слов говорили: не выглянет боевой дух предков из-под древних мхов, не ощерится хищным изгибом клинков. Так и висеть старому оружию, собирая пыль и радуя взор хозяина, да еще пауков. Вся эта композиция являла собой странный символ Золотого Моста. Когда-то он славился отважными мореходами, первопроходцами, авантюристами. Когда-то его славу умножали мужественные люди, не медлившие обнажить оружие в защиту своего клочка суши возле самой удобной гавани. А сейчас? Купцы, торгоши, ростовщики. Заплывшая

жиром основная масса богатых мещан. И в этом море довольства жизнью — редкие островки цепких умов, тех, кто продолжает совершенствовать старые изобретения, тех, кто делает Золотой Мост самым развитым городом — и все еще позволяет горстке людей отстаивать свою свободу. Заржавевшие прадедовские сабли над уютным камином и цветком в горшке. Но паутина уже затягивает их, и слой пыли покрывает подобно могильному холму. Долго ли еще опасение новомодных пушек и мушкетов будет сдерживать стальные полки Империи? Что произойдет, когда Император взмахом руки укажет своим ратникам на стены Золотого Моста? Вспомнят ли купцы о боевой славе предков или предпочтут откупиться, лишившись части богатства и независимости, но сохранив жизнь?

Я вышел на улицу, вернулся на свой след, как заяц, накидывающий петли, дабы запутать гонящихся за ним охотничьих собак. Все так же, скользя между людскими взглядами, свернул на боковую улицу и затерялся в лабиринте переулков, тупиков и грязных подворотен, о которых простой обыватель даже не подозревает, считая, что городок его чист, красив и благолепен, куда ни пойдешь.

Ловец уходил, мобилизуя все силы своего тела. Он карабкался по отвесным стенам так ловко, что прочим это показалось бы чудом или каким-то колдовством. Он перепрыгивал с крыши на крышу, преодолевая невероятные расстояния. В этом он был сильнее меня. Бывший убийца или шпион, или всего понемногу. Он работал телом, я — головой. Два-три нехитрых маневра — и слежка отстала. Действуй проще. От тебя ведь не ждут простоты, скорее, фортелей, на которые столь падок мой случайный спутник.

Дальше я шел не спеша. Город, творение человека, несущее на себе печать его разума. Хорошо изучив людей, ты научишься понимать и все то, что они создают. Да, я здесь впервые, зато я видел другие города, некоторые весьма неплохо изучил. Прошло немного времени, и ноги сами понесли меня туда, где мы договорились встретиться с Ловцом.

Мимо проплывала чужая жизнь, ухоженные домики, яркая печать сытости, довольства. Мещане, не заботящиеся о том, что их тело копит лишний жир. Ремесленники, спокойные, уверенные не только в завтрашнем дне, но и в будущем своих внуков. Даже нищие носили на себе отпечаток Золотого Моста. Было в их облике какое-то странное благообразие. Не изголодавшиеся крысы, как в других городах, скорее, откормленные. Они выходили просить милостыню, как на работу. А я скользил мимо всего этого, не позволяя ничему зацепиться за край моего щегольского

плаща. Как всегда, я приду и уйду, а они все останутся в своей тихой гавани.

Квартал заведеев начался внезапно. Улицу словно разрубили топором. Только что шел ты мимо двускатных крыш, крытых черепицей, мимо беленых стен, широких окон. И вдруг, ни с того ни с сего, ступил словно бы в другой город. Крыши стали плоскими, стены — кирпичными, желтоватого цвета, словно песок в пустыне. Окна небольшие, расположены очень высоко и закрыты частой решеткой. Эти дома надежно хранили свои тайны. На крышах виднелись полотняные навесы. Под ними отдыхали хозяева, когда в доме становилось невыносимо душно. Сложно было судить по внешнему виду о достатке владельца жилища. Больно уж скрытны люди востока. Самое главное — внутри, за высокими стенами, огораживающими обширный двор.

Любой другой, впервые попав сюда, наверняка заблудился бы в этом единообразии. И я бы тоже заблудился, если бы не довелось в свое время побывать на востоке. Мой наметанный глаз легко выхватил пристанище для путников, по старой традиции даже здесь именуемое караван-сараем. Два из них я миновал, даже не задержавшись. Не то. И лишь возле третьего остановился, засомневавшись, и наконец решил войти. Почему-то мне казалось, что именно сюда зайвится Караванчик. Я не мог сказать, откуда такое чувство, но если Ловец тоже придет сюда, значит, не ошибся.

Меня приняли как дорогого гостя, несмотря на потрепанность моих одежд. Очень скоро я сидел возле фонтана во внутреннем дворике на мягком ковре, подвернув под себя ноги. Расторопный и почтительный слуга принес низенький столик с угощением. По периметру двора шла крытая галерея, ровные ряды колонн с опиравшейся на них крышей. Сюда выходили двери комнат, в которых останавливались постояльцы. Все как всегда. Мне живо вспомнился другой караван-сарай. Вспомнился мой собеседник, немного тучный человек, чьи мускулы не утратили крепости и силы оттого, что их затянул легкий слой жирка. Его широкие шаровары, подпоясанные кушаком, туфли с загнутыми носками, красная жилетка, небольшой тюрбан. Вспомнилась его теплая улыбка и глаза, полные печали. Тонкие ломтики бастурмы, обильно присыпанные жгучим красным перцем, непривычный вкус коньяка. Я никогда не понимал этого напитка, но всегда, заходя в караван-сарай, заказываю то же самое: бастурму и коньяк. Твое здоровье, мой друг. Я тебя помню, и я тебя ни за что не осуждаю, как не осуждал тогда. Ты выбрал свой путь, я свой. Кто мы, чтобы судить друг друга? Живи долго, Палач, и да не раскаешься ты никогда в своем выборе.

— Странное чувство, Искатель, да, очень странное. — Он подошел совершенно бесшумно, длинный, мягкий ворс ковров, которыми был устелен двор, скрадывал звук шагов. — Такое чувство, словно ты сейчас здесь не один. Да, а я смотрю — напротив никого нет. С кем ты пьешь?

— Присаживайся, Ловец, — пригласил я. — Раз ты пришел, значит, место выбрано правильно.

Он привычным движением опустил на ковер напротив меня, сам себе налил коньяку.

— Дед рассказывал мне, когда-то давно нам было запрещено пить хмельное, — произнес он. — Да, запрещено, совсем. Тогда люди еще верили во всяческих богов. Так с кем ты пил?

— Сейчас пью с тобой. — Я тоже налил себе. — Легко ли ушел?

— Признаться, не очень. — Он поморщился, выпив, подцепил тонкий, почти прозрачный ломтик бастурмы и отправил в рот. — Хорошо вели, грамотно, да, очень грамотно, командой вели. Хорошая команда. Да, очень хорошая, один из наших учил. Странный город, странно нас принимает. Непокойно мне, Искатель, ой непокойно. Кажется, чего нам с тобой бояться? А боюсь.

— Это еще в воротах заметил, — кивнул я. — Страх так и хлестал из тебя.

— Есть причина, Искатель, да, есть. Вот скажи — как можно убить тебя или меня?

Вопрос поставил меня в тупик. Не сразу я ответил, да и ответом это было назвать сложно:

— Ну к примеру, если мы с тобой не сможем сопротивляться, будем закованы в кандалы... нет, это не поможет, будем прикованы к чему-либо так, что ни рукой, ни ногой не пошевелить, да еще потеряем сознание, тогда...

— Не то, Искатель, ой не то, — перебил он меня. — Зачем вопрос на вопрос громозишь? Хочешь, чтобы я спросил, как взять нас, как сознания лишить? Не то, Искатель. Скажи, как в бою нас убить?

— Достаточно большой отряд, щитоносцы, копейщики, лучники, хорошо обученные...

— Ох, опять не то, — замотал он головой. — Не то совсем. Как нас убить без шума лишнего?

— Не знаю, — честно признался я.

— И я не знаю, — развел он руками. — Я не знаю, а кто-то знает.

— Кто?

— Ах, Искатель, ой, Искатель, если бы знал я кто, поймал бы, да, поймал. Не выследить мне его, не поймать, знаю, что есть он, а кто — не знаю.

- Откуда знаешь? — холодея, спросил я.
- Брат мой умер.
- Кто? — Предчувствие накрыло меня волной, девятым валом.
- Палач убит. Да, Искатель, Палач. И не надо говорить, что не знал ты его.

Палач. Друг. Я не зря вспомнил о тебе. Предчувствие? Нет, я не верю в него. Просто в последний наш разговор была на тебе какая-то печать predeterminedности. Страх. Теперь он стал мне понятен. Нет, не считал я себя, своих братьев и кузенов бессмертными, и все же было нечто. Была уверенность, что паршивая случайность или злой умысел простых людей не прервет нашего жизненного пути. Была убежденность в том, что если не станешь переходить дорогу братьям слишком уж откровенно, то сможешь спокойно завершить труды, додумать мысли, воспитать наследников и отойти в мир иной тихо, мирно, с чувством, что все успел. А если не достиг чего, то сам виноват. И ни при чем здесь чьи-то козни, удар в спину, смертельная ловушка. А тут вдруг эта весть. Палач убит.

Я часто бывал в его городе. Селение посреди пустыни, ставшее чем-то вроде столицы кочевников-бедуинов. Пустыня защищала его от вражеских армий гораздо лучше, чем невысокая стена, и небольшой гарнизон — армия эмира. Кхсар Фэй ар-Румал — кажется, так называли его. Помнится, с одного из пустынных диалектов это переводилось как Затерянный в песках. Ну а купцы с запада говорили просто Ксар. Через него шла вся торговля с заведьями. Она-то и стала основой богатств эмира. А в услужение последнему поступил мой кузен Палач.

Каждый раз, когда мне приходилось сопровождать караван в Ксар, мы встречались в одном и том же караван-сараяе. Я делился с ним новостями, он со мной — раздумьями. Если Караванщик был бедуином, то Палач — урожденным горожанином. Наши беседы были похожи, и я наслаждался этим. Он был для меня островком постоянства в бурлящем мире. Плеск воды, игра лучей солнца в струях фонтана, мягкие подушки, яркие ковры с геометрическим узором, низкий столик, коньяк и бастурма. Он очень любит коньяк.

Теперь уже любил. Я ни разу не затронул в разговоре выбранного им пути. В нашу последнюю встречу он сам заговорил об этом.

— Ты осуждаешь меня, Искатель? — спросил Палач, когда хрустальный кувшин с его любимым напитком показал дно и на серебряном блюде оставалось всего две полоски бастурмы.

Я не ответил, лишь поднял голову и наткнулся на добрый и печальный взгляд его больших глаз.

— Я никого не осуждаю, — был мой ответ. — Просто есть те пути, на которых я мог бы себя представить, и те, на которых представить не могу. Ты сделал выбор, Палач. Не знаю, что подвело тебя к нему, но, сидя здесь, в этом городе, ты растешь. Твое понимание углубляется, твои идеи все время новы, твои размышления — не замкнутый круг, а весьма извилистый лабиринт. Значит, ты растешь, и этот выбор был для тебя правильным.

— А для тебя?

— У каждого он свой. Ты — единственный из нас, насколько я знаю, кто отбирает жизни. Но небо не обрушилось на землю, ты не превратился в безумца или бессердечного истукана. Я не понимаю тебя, но в этом мире много того, что недоступно моему пониманию. Разве я должен все это осуждать?

— Ты стал мне очень близок, о мой кузен, ближе моих братьев. Только с тобой я могу быть откровенным. И хочу, чтобы ты попытался меня понять. Хочу рассказать тебе.

— Не надо, — попробовал я остановить его.

— Ты откажешь мне в этой малости?

Я тяжело вздохнул, вылил несколько капель, оставшихся на дне кувшина, прямо в рот, отправил следом закуску, покачал головой:

— Это твой выбор, Палач.

Я очень редко называл его по прозвищу. Мне казалось, этим я упрекаю его в чем-то, хотя какой здесь упрек? Лишь факты, и от них никуда не денешься.

— Ты сам выбрал, как употребить то, чему учил тебя наставник, сам выбрал, где искать пищи для ума и чем добывать пищу для плоти, и сейчас сам выбираешь, что рассказывать мне, а чего — нет. Не вини меня в последствиях.

— Ты их боишься? — тихо прошептал он.

— До сих пор в мире было очень немного вещей, способных меня напугать. Нет, дружище, я не боюсь. Главное — чтобы не боялся ты.

— Мало ли что может случиться, — развел он руками, длинными мускулистыми руками с широкими ладонями. — Пусть хоть кто-то знает. Вы ведь ни разу у меня не спрашивали. Ни ты, ни Караванщик, ни мой брат Ловец. А Акын — тот вообще перестал меня навещать, как только узнал, чем занимаюсь. С другими же я не общаюсь.

— Вижу, тебе это сейчас действительно нужно, потому рассказывай, — сдался я.

— Знаешь, Искатель, мой отец был казнен. Его оклеветали, — начал Палач поспешно, словно боясь, что я передумаю. — Он тяжело умирал. Палач не сумел отрубить ему голову первым ударом. Дрянной был палач, прямо скажу. Нет, ты не подумай, наставник избавил меня от призраков раннего детства. Я думал, все они надежно похоронены и забыты. А вот поди ж ты, когда надеялись нас прозвищами, мне досталось именно это — Палач. Учитель еще тогда головой покачал так печально. Но ты ведь знаешь, наши прозвища не всегда можно толковать прямо.

— Знаю, дружище, — подтвердил я. — А также знаю, что рано или поздно каждое из них оправдывает себя.

— Я вернулся в родной город, — продолжил он. — Не знал, чем заняться. И вдруг узнал, что племянник мой тоже готовится взойти на плаху. Тогда правил отец нынешнего эмира, суровый старикан, которому за каждым неосторожным словом мнилась измена. И я не мог ни на что повлиять. Мне позволили только поговорить с ним. Каждый из нас способен вызвать человека на откровенность. Ты — лучше, я — хуже, и все-таки это мы умеем. Он был невиновен. И я не мог ему помочь. А может быть, испугался. Я ведь только вернулся, еще не знал пределов своих способностей. Боялся, что кто-то догадается, кто я такой. Все, что смог сделать для сына моего брата, — это вызваться быть его палачом. Ты ведь знаешь, с нашими знаниями и умениями мы можем отсечь голову так, что казнимый не почувствует даже мгновенной боли. Просто голова отделится от тела, и смерть придет как внезапный сон.

— Знаю, дружище.

— Вот тогда я и решил, что в нашем городе больше не будут казнить невиновных. Поступил на службу к эмиру. Конечно, мне это было несложно. Мы ведь знаем человеческое тело в совершенстве. Мы знаем, как причинить невыносимую боль и как избежать любой боли. Если разобраться, любой из нас — идеальный палач. Ты же знаешь это.

— Знаю, дружище.

— Старый эмир разбушевался. В те дни в застенки попали многие. Я старался успеть к каждому. Никто не догадывался, что настоящий допрос происходил накануне официального. Я беседовал с ними, просто садился напротив и беседовал. И они с готовностью выкладывали то, что готовы были унести с собой в могилу, не сказав даже под пытками. Ты же знаешь, это несложно.

— Знаю, дружище.

— А на следующий день, в зависимости от того, что я услышал накануне, человек либо сознавался под пытками, либо удивлялся, почему, несмотря на кровь и страшные раны, не чувствует ни-

какой боли. Конечно, для меня было по силам как первое, так и второе. Ты же знаешь.

— Знаю, дружище. Меня удивляет — неужели те, кто присутствовал при допросе, не замечали, что человеку не больно?

— О, Искатель, они кричали. Кричали от страха больше, чем кричали бы от боли. Я объяснял им все накануне. Я не делал тайн из их судьбы. И те, кого я заставлял сознаваться, проклинали меня, а те, кого спасал, понимали: покажи они, что им не больно, — пытаться будут уже по-настоящему. Ты же знаешь, мы можем быть убедительными.

— Знаю, дружище.

— Тот, кто заслуживал мук, получал их. Кто был обвинен несправедливо, благополучно спасался. Я сам врачевал их раны. Ты же знаешь, для таких, как мы, лекарское ремесло — это просто.

— Знаю, дружище.

— Ты осуждаешь меня? — спросил он, и во взгляде его страх смешался с надеждой.

— Я не сужу никого. Ты делал только то, что считал правильным. Те, кого ты спас, наверняка благословляют твое имя.

— А проклятия тех, кого убил, накапливаются тяжким грузом, — закончил он за меня.

— Ты посчитал себя вправе решать, но ведь ты — такой же человек, как прочие. Да, мы обладаем рядом способностей, которые простые люди ленятся в себе развить, но от этого мы не стали чем-то выше них. Ты присвоил право решать. Право решать за очень многих.

— И ты осуждаешь меня?

— Я не сужу никого.

— Но на моем месте ты так не поступил бы?

— Не поступил.

— Значит, все-таки осуждаешь.

— Это твои слова, не мои. — Я встал, направился к выходу, но вдруг обернулся и произнес: — Ты сам себя осуждаешь. Иначе наш разговор был бы другим. Ты хочешь, чтобы кто-то оправдал тебя, сказал, что ты поступил верно. Но я никого не сужу и не оправдываю. Я не могу присвоить себе права решать за тебя, прав ты или неправ.

— Прощай, Искатель, — грустно произнес он.

— До встречи, дружище. — Я улыбнулся. — До встречи. Я не оправдываю тебя, но и не осуждаю. Твой выбор — твое бремя. Я мог бы помочь тебе нести его, мог бы помочь избавиться, но быть утешителем твоей совести я не собираюсь, как не собираюсь терять друга. А потому не «прощай», а «до встречи».

— Да, я знал его. — Мой взгляд столкнулся с узким прищуром Ловца. — И когда ты назвал свое имя, я понял, кто ты. Палач рассказывал о своих братьях.

— А я знал тебя, да, знал, — закивал он. — Он рассказал о тебе перед тем, как уйти на войну.

— Что? На войну? — Это удивило меня. Палач никогда не отличался воинственностью.

— На нее самую. Три имперских полка углубились в пустыню. У них были проводники из купцов, которые часто ходили этим путем. Палач пошел вместе с армией эмира. Лекарем. Да, лекарем. Наверно, надоело отнимать жизни, решил спасти несколько. Их разбили. Палач вернулся в свой город, и там его нашла смерть.

— Как он погиб?

— Никто не знает. — Ловец развел руками. — Тело нашли в застенках. Там плаха была, на которой рубили головы тем, кого считали слишком опасными для публичной казни. Вот на этой плахе ему голову и отрубили. Да, отрубили его собственным топором. А после этого имперцы взяли город и сровняли его с землей. Так что, Искатель, нет больше караванных путей в славный Кхсар Фэй ар-Румал.

— Бред какой-то. — Я встряхнул головой. — Этого просто не может быть.

— Это имперцы, — убежденно заявил мой собеседник. — Да, они. Среди них хватает людей, знающих о нас, о наших способностях. Они прекрасно понимали, что Палач мог возглавить оборону, и тогда они не вошли бы в город. Имперцы убили его.

— Ловец, постой, не спеши. Подумай сам — кому это по силам? Даже для одного из нас это невыполнимая задача. Да и не станем мы убивать друг друга.

Нереальность происходящего давила на меня. Палач, единственный друг. Почему я не могу поверить в то, что его нет? Почему не могу представить его мертвым? Ведь, судя по рассказу Ловца, его не просто убили. Палач должен был сам положить голову на плаху. Один из нас мог бы его просто сдерживать, двое могли бы попробовать подвести к плахе, поставить на колени, но чтобы нанести удар, нужен третий. И это — при самом слабом сопротивлении. Если же Палач применит все, на что способен для выживания, троих будет явно маловато. И тут я понял, что просто не верю Ловцу. Нет, немного не так, я верю в то, что он считает Палача мертвым, но Ловец ошибается.

— Путей в Ксар нет? — Я рассмеялся. — Ловец, посуди сам, Империи нужно не просто разбить армию бедуинов. Она приходит всерьез и надолго. Наверняка остался гарнизон, и город снова

восстановится, туда пойдут караваны, а с ними туда пойду и я. И знаешь, там я снова встречу Палача, потому что не мог он умереть.

— Но мои вести...

— Ты видел тело? — Я не дал ему возразить.

— Нет.

— Ты говорил с теми, кто видел?

— Нет, я прибыл, когда имперцы уже взяли город. Все свидетели погибли, вести пришли ко мне из четвертых, а то и пятых рук.

— И ты поверил? Ловец, я все понимаю, меня тоже сама весть сперва ошеломила настолько, что я утратил способность думать и сопоставлять.

— Нет, Искатель. Палач что-то чувствовал, — возбужденно забормотал мой собеседник. — Да, чувствовал. Он просил меня, если что-то случится с ним, найти тебя и рассказать все тебе.

Печально журчали струи воды фонтана. Мысли текли вяло. Может или не может быть? Скорби не было, потому что я не верил. Палач просто решил скрыться от всех. У нас сейчас такой жизненный этап, что иногда возникает желание уйти от всех, переосмыслить что-то в тишине.

— Он мог сказать все это специально, чтобы у тебя не возникло сомнений в его смерти. — Я произнес это тихо, потупив взор. — В гибель одного из нас поверить очень трудно. Он просто воспользовался вторжением имперцев, чтобы спрятаться от всех. Никто не будет искать того, кто уже мертв. Я не верю во всевозможные предчувствия. Я не верю в какую-либо опасность. Каждый из нас без труда замедлит биение своего сердца настолько, что его примут за мертвого. Посуди сам, враг на подступах к городу. У всех другие заботы. Будет ли кто-нибудь дотошно проверять, жив палач эмира или нет. А вскоре и проверять стало некому. И пошли слухи. Вот только боюсь, в них даже имперцы не поверили.

— Я запутался, Искатель. — Ловец качнул головой, словно сгоняя надоедливую муху. Нервным получился этот его жест. — Не буду называть это чутьем. Я был там, я говорил с людьми, бродил по руинам города — и почему-то поверил, что Палача больше нет. Это — не какое-то мистическое предчувствие. Это — вывод, который мой разум сделал из доставшихся ему крупиц информации. Да, крупиц, но зачастую их мне хватает. Я могу отыскать любого человека в этом мире. А вот Палача не смог. И это заставляет меня поверить в его смерть.

— Нет, Ловец, для меня это значит, что он прячется лучше, чем ты ищешь.

Я говорил правильные слова, разумные слова, единственно верные, но что-то в глубине разума скреблось, словно паскудный котенок. Предчувствие, затопившее меня до того, как Ловец сообщил свою новость, никуда не ушло. Оно было разбито в пух и прах железными аргументами, оно не сумело перерасти в чувство потери, но заупрямилось и не ушло насовсем, затаилось, словно хищник, ожидающий своего часа.

Ловец нахмурился и отвернулся от меня. Расторопный, почти незаметный слуга принес новый графин с коньяком. Надо же, за разговором я не заметил, как мы все допили. А хмеля не чувствовалось. Неужели Ловец все-таки сумел заразить меня своими опасениями в полной мере, и теперь тело контролирует степень своего опьянения, словно перед боем или каким-нибудь очень серьезным испытанием?

— Четверо, — тихо произнес Ловец. — Да, четверо. Я прикидывал по-всякому, меньше — не справились бы. А вот четверо, если они равны тебе или мне, если они хорошо подготовятся, все продумают, — смогут справиться с Палачом.

— Четверо, — так же тихо отозвался я.

Мягкие ковры, которыми был устелен весь двор, скрадывали звук шагов. Они неплохо научились уходить из поля зрения, перемещаться быстро и плавно, чтобы не выдать себя, не позволить краем глаза заметить резкого движения. Пройтись бесшумно по ковру — задача для младенца. Я почувствовал лишь легкое движение воздуха, который расступился, пропуская их. Очень неплохо.

— Это те, кто шли за нами. — Слова Ловца я прочитал по движению губ. Мой спутник не издал ни звука, опустив голову так, чтобы его губы были видны только мне.

— Слишком долго, — произнес я в полный голос. — На полграфина дольше, чем следовало бы при вашей подготовке.

— Ты... — прошипел Ловец.

— Они со мной, — спокойно произнес я.

Небольшой экскурс в историю

Это случилось лет семьдесят назад, незадолго до моего рождения. Первым невиданным событием стало свержение вилецкого князя. Его подняла на копыя собственная дружина. Люди, живущие сейчас, не поймут, чего же в этом столь необычного. А дело в том, что семьдесят лет назад родовитость значила гораздо больше, чем сейчас, а сила в делах наследования — гораздо меньше. Бояться междоусобицы стоило, лишь если жена князя первой рожала двойню. Вот тогда у наследников дело могло дойти до ме-

чей. В противном же случае предки оставили нам незабываемые уложения, по которым легко можно рассудить, кто вправе занять княжий стол, а кого надобно вздернуть на суку за самую мысль об этом. Все-таки мы, венецы, один народ, и обычаи у нас одни, на сколько бы десятков княжеств ни были разбиты наши земли.

Так вот, Прибыслава Вилецкого подняла на копья его собственная дружина. Командовал ею двоюродный брат князя. Но он не провозгласил себя новым владельцем Вилецким. Вместо этого на стол взошел какой-то заброда, безродный, никому не известный. А двоюродный брат бывшего князя остался при нем.

Остальным князьям, понятно, не понравилось такое попрание древних уложений. Худо-бедно, они все-таки отложили старые распри и начали сколачивать союз против узурпатора. Как-никак этот случай был опасен и для них. Если подобное оставить без наказания, то недалек день, когда и прочих князей начнут резать всякие безродные, ощущающие за собой военную силу. Да и Вилецкое княжество было весьма лакомым кусочком. Оно не располагалось на пересечении всех торговых путей, но огромные пахотные угодья давали зерна столько, что им торговали по всему известному миру. И что важнее, именно из Вилецкого княжества шел основной поток продовольствия в Золотой Мост. Расплачивались златомостцы оружием и доспехами великолепнойковки. Стальные полки вилецкой тяжелой пехоты всегда славились стойкостью и боевыми умениями, так что в одиночку никто напасть на узурпатора не решался.

Основой зарождающегося союза послужили княжества Северной Краины. У них хватало своего железа, а кузнецы, хоть и уступали златомостским, исправно снаряжали дружины и полки своих князей. Но распрей, чьи корни тянулись далеко в глубь веков, одним махом не переступишь. Узурпатор действовал быстрее. Пока князья совещались, его полки вдруг нанесли упреждающий удар по Лужскому княжеству.

Вильцам хватило одной седмицы, чтобы покорить соседа. И опять небывалое — уцелевшие полки лужан присоединились к армии захватчиков. Дальше пошло по нарастающей. Войска узурпатора росли с каждым завоеванным княжеством. Он объявил себя Императором. Так родилась первая Империя. Войны гремели семь лет. Некоторые князья, смекнув, что новая сила просто сметет их, поспешили присягнуть на верность Императору. Он не был жесток к врагам, всегда награждал тех, кто присоединился к Империи добровольно. Участь остальных оказалась печальна. На первых порах при захвате княжества убивали только близких родственников правителя. Младшие же ветви знат-

ных родов возвеличивались. Их представители становились наместниками. Но с ростом сопротивления имперцы проявляли все большую жестокость. Под конец Объединения — так эта война со временем стала называться — правящие семьи, сопротивлявшиеся Империи, уничтожались под корень.

Переломным моментом стало взятие войсками Императора Золотого Моста. Под стенами этого города правитель Империи встретился с кошевым атаманом чубов. За последним стояла немалая сила, но про это — в другой раз. Предводитель чубов, известных любовью к свободе, иногда переходящей в настоящую анархию, присягнул на верность Императору. А тот в ответ поклялся, что потомки кошевого будут предводительствовать чубами. После этого Золотой Мост добровольно открыл ворота. Город, уже находящийся под защитой многочисленных примитивных пушек и горожан, вооруженных мушкетами и пистолетами, мог противостоять полкам Императора, мог отбросить от своих стен чубов, но не обе эти силы, объединенные в один железный кулак.

Император по достоинству оценил эту добрую волю. Горожанам за их благоразумие были оставлены все вольности. Фактически власть Империи ограничилась необременительным налогом и льготными ценами на вооружение. Остальное осталось по-прежнему.

Очаги сопротивления сохранились лишь на юге. Тамошние князья держались за счет наемников-чубов. Понятно, что после сговора Императора с кошевым атаманом непокорные княжества оказались между молотом и наковальней. С одной стороны — чубы, вчерашние наемники, знающие местность, с другой — многочисленные закаленные в боях полки Императора. Два года, потребовавшиеся для покорения южан, — очень большой срок. Император просто старался свести потери к минимуму, в том числе и у своих противников. Практически пострадала лишь власть имущая верхушка да приближенные к ней воеводы.

Так была образована Империя. Ее называют Венедской, потому что в ней объединились все народы венедского корня. Ну а еще иногда ее называют Вилецкой, помня, с какого княжества все началось. Народ постепенно успокоился, стал сыт и доволен. Император окружил себя талантливыми сподвижниками, не глядя на знатность рода и прошлые грехи. Заговоры очень быстро раскрывались, мятежные роды бывших князей вырезались, бандиты и разбойники истреблялись. Словом, мир и благоденствие наконец-то пришли в венедские земли.

Император стал поглядывать на соседей. Северные варва-

ры-анты, Дикое Поле на юго-востоке с многочисленными степными ордами, а на востоке — пустыня, где кочевали племена бедуинов. Было еще, конечно, Заморье, куда плавали только купцы из Золотого Моста. Словом, оставались те, кого можно было объединить и осчастливить. Если верить некоторым летописям, властитель Империи успел начать действия против них. Так, к примеру, именно тогда активизировалась торговля с северянами. Ну а каждый купец — немного лазутчик. Это сопровождалось основанием ряда укрепленных городищ в землях варваров — якобы для охраны торговых путей.

И вдруг Император исчез. Это оказался один из двух самых странных персонажей в истории венедов. Пришел ниоткуда, ушел в никуда. Имени его не сохранили летописи, монеты с его портретом если и были отчеканены, то слишком поздно, и в оборот их не пустили, тела его так и не нашли. Это, как водится, породило множество легенд.

Некоторые сказочники вещают на площадях и в кабаках, что Император бессмертен, что он дал людям мир, а люди не оценили этого, но, когда все будет плохо, Император вернется и спасет венедов.

Скептики же считают, что его и не было. Был ряд талантливых военачальников и управленцев, которым надоела княжеская междоусобица. Они-то и выполнили всю работу, а так называемый Император выступал лишь знаменем, и на протяжении десяти лет роль его играл не один и даже не два человека. Ведь каждый год на него покушались до пятидесяти раз. С трудом верилось, что он удачно смог избежать смерти. Скорее всего, когда убивали очередную марионетку, советники подбирали нового «Императора», а народу сообщалось, что властитель в очередной раз избежал опасности.

Кстати насчет советников. Их имена как раз хорошо были известны, а трагическая судьба каждого отражена в десятках летописей. Есть даже подробные жизнеописания. Они удерживали созданную Империю довольно долго. Это косвенно подтверждает точку зрения скептиков. Слабым аргументом в пользу Императора как сильной личности может служить лишь поведение чубов. После того как разнеслась весть об исчезновении Императора, кошевой атаман поддержал врагов Империи.

Глава 2 ЗАНУДА

Человек — живучее существо. Иногда меня поражает, насколько хорошо он приспосабливается ко всем изменениям вокруг. Конечно, это может не каждый. Но с другой стороны, никогда не

угадаешь, на что способен тот или иной человек. Иногда бывает так, что крепкий парень, выброшенный из привычной жизни, начинает чахнуть, словно кто-то отнял у него всю волю к борьбе. А иногда ничем не примечательный человечек, воспитанный в тепле и уюте, вдруг, лишившись всего этого, проявляет поистине крысиную живучесть. Он схватывает на лету новые правила поведения, развивает в себе поразительное чутье на то, как себя держать, чтобы просто остаться в живых. Проходит год-два — и куда подевался маменькин сынок? Перед нами король подворотен. Я рад, что меня на улицу никто не выбрасывал. Ушел сам. Тогда мне было плевать на слезы матери и обещания отца лишиться наследства ослушника, то есть меня. Я хотел свободы. И я хлебал то, что мне казалось свободой, жадно, неистово, пока она не пошла у меня горлом, словно кровь из пробитого легкого. Я не люблю вспоминать о тех временах. И о том человеке, которым тогда был я, тоже вспоминать не люблю. Конечно же будущие летописцы вычеркнут эту страницу моей жизни, безжалостно вымарают, отскребут до девственной белизны листа, до страшных дыр, о которых будет сказано: «Увы, об этом этапе его жизни не осталось никаких устных или письменных свидетельств, но доброе дерево не растет на плохих почвах». Из этого будет сделан вывод о добродетельности моей юности. И никто не узнает о пьянящей свободе, переполнившей меня и обернувшейся всего лишь ядом вседозволенности, который отравил меня, а потом потек наружу черной желчью.

А чего ждать от тебя, неизвестный летописец, если те времена и из моей памяти давно изгладились. Остались ощущения. Липкая кровь на пальцах, ребристая рукоять ножа. Бег от опасности, сравнимый с полетом, и ночной полет, сравнимый со смертью, когда тело переполнено хмелем и дурманом.

Может быть, я слишком поспешил, сразу начав рассказывать про Золотой Мост? Что, попробуем заново? История моя началась в небольшом городишке на окраине Лужского княжества. Место весьма примечательное. Княжество лежало на севере, но от варварских земель его отделяли непроходимые Кордонные горы. С гор текла река Гремучка, и вот там, где она обрушивалась вниз водопадом, и выросло поселение рудокопов. Гремучка, низвергаясь со скалистых уступов, размывала твердую породу, и постепенно образовалось озерцо. Первые поселенцы обосновались на его западном берегу. В основном они были рудокопами и кузнецами. Свое селение называли Тихая Заводь. Князья всячески помогали им. Как-никак железо всегда было ходовым товаром. При первой Империи Тихая Заводь разрослась. Сюда начали ссылать

преступников, старые шахты расширили. Многие, отбыв срок наказания, оставались. Платили рудокопам неплохо. Но воровской характер новых жителей давал себя знать. И очень скоро соседи начали называть селение, превратившееся в небольшой городок, Тихая Замуть. Название прижилось, и многие уже не могли упомянуть, как их город назывался раньше.

Пожалуй, отсюда мне и следовало начать. Тем более что Тихая Замуть стала первым шагом на долгом пути к Золотому Мосту. Я пришел в город вместе с караваном. Купцы привезли целую подводу водки и пива, в надежде очень быстро сбыть этот товар и набрать железа по низким ценам. Путь выдался легким. В обратную дорогу меня решили не нанимать. И я задержался в Тихой Замути. А сама история началась, когда я почувствовал в своем кармане чужую пятерню. У меня оставалась последняя золотая монета. Я решил ее не тратить, отложить на черный день. Но у одного из воришек оказалось свое мнение, как лучше использовать золотой кругляш с профилем князя Лужского.

Мне не составило бы труда перехватить карманника. Он думал, что толчея рыночной площади скорее в подмогу ему, чем мне, и это — типичная ошибка каждого, кто пытался обворовать меня или любого из моих братьев и кузенов. Но все-таки что-то меня удержало. Больно уж ловко этот щуплый парнишка лет пятнадцати запустил свою руку в мой карман. С любым из жителей города его фокус наверняка прошел бы.

Я дал ему извлечь добычу и лишь потом медленно обернулся. На моем лице было недоумение. Я не собирался отпугивать его. Но в тот момент, когда наши взгляды встретились, я заметил страх в его глазах. Парнишка развернулся и юркнул в толпу, хотя изначально собирался уходить спокойно, не привлекая лишнего внимания. Я почувствовал легкую досаду. Такого еще ни разу не было.

На самом деле вору меня интересовали всегда. Не матери, закоренелые, уже не представляющие другой жизни. В них особого проку нет. А вот дети, ворующие, чтобы выжить, могут быть весьма интересны. Для того чтобы в первый раз украсть, нужна смелость либо отчаяние. Но этот шаг — свидетельство наличия сильной воли. Ребенок не хочет идти с протянутой рукой или тихо умирать под забором. Он готов рисковать, чтобы выжить. Увы, если все оставить как есть, жизнь выдавливает из них детскую наивность очень быстро. Большинство со временем становится настоящими подонками. А вот если своевременно подправить судьбу такого карманника, из него может выйти человек.

Так вот, до сих пор все, кто лез в мой карман, чтобы извлечь

специально отложенный для них золотой, думали, что я не заметил этого. И пребывали в счастливом неведении до того момента, пока я, незаметно следя за ними, не находил места, более подходящего для разговора, чем рыночная площадь.

Сегодня что-то пошло не так. Мой бессмысленный взгляд не успокоил юного вора, а, казалось, наоборот, испугал.

— Вор! Держи вора! — закричал рядом кто-то из наиболее сообразительных горожан, прекрасно знающий, по какой причине подросток может так улепетывать с рыночной площади.

И как обычно, бурная деятельность добропорядочных горожан помогала скорее малолетнему воришке, чем его возможным преследователям. Тощий подросток уклонялся от чужих рук, даже не сбавляя скорости бега. А за его спиной образовывалась куча-мала. Любой преследователь сразу отстал бы.

Я же неторопливо свернул чуть в сторону, обходя тот хаос, который вызвало к жизни бегство паренька. Краем глаза наблюдал за ним, примечая, как он двигается, как легко обходит тех, кто действительно может его задержать, как уклоняется от столкновений. Когда воришка вынырнул из толпы, я уже примерно представлял себе образ его мыслей. Он юркнул в подворотню. Тихая Замуть — весьма беспорядочный городишко. Его узкие, кривые улочки словно созданы для того, чтобы уходить от преследования. К сожалению для него, подросток не представлял, с кем связался. Город я знал неплохо, потому не стал его догонять, а не спеша пошел туда, где наши пути обязательно пересеклись бы.

У меня был шанс ошибиться. Тогда карманник скрылся бы, и вряд ли я сумел бы вновь на него выйти. Но на небольшом перекрестке он вылетел прямо на меня. Остановился. В глазах его мелькнуло легкое замешательство. Для себя он, наверно, списал все на случайность и мгновенно свернул в переулок. Я опять повторил свой маневр, на сей раз гораздо легче вычислив место новой встречи. Бревенчатые стены домов теснились словно ратники — плечом к плечу. Почти незаметный со стороны проход вывел меня на широкую улицу. Ни один вор не рискнул бы податься сюда. Парень рассчитывал, что большинство преследователей будет думать именно так.

Он шел спокойно, не привлекая к себе внимания ненужной суетой. Посмотреть со стороны — обычный подросток, идущий по своим делам. Я пристроился сзади, отставая от него шагов на пять, привычно миновав его поле зрения. Казалось, погоня окончена, но на ближайшем повороте он все-таки меня заметил. Карманник не смог скрыть своего смятения, быстро переходящего в ужас.

Недавно прошел дождь, превратив немощеную улицу в подопье болота. Паренек рванулся в сторону, поскользнувшись и чуть не брякнувшись в лужу. Чудом удержал равновесие, не сбавляя скорости бега. Он устал. Он начал паниковать. И когда в узкой подворотне я вышел наперерез ему, я увидел в глазах его обреченность. Вора можно было понять. Со стороны я не производил впечатления человека, искушенного в жизни городских низов. Он испробовал все, в том числе приемы и пути, призванные сбить со следа опытных городских стражников, набравшихся, по большому счету, из бывших воров и грабителей. Все это не дало никакого результата. Впрочем, у него вполне могли остаться еще пути отступления, он развернулся, но лишь для того, чтобы заметить, что другой конец подворотни уже перекрыт.

Трое лоботрясов лет восемнадцати поджидали его с ехидными усмешками. На поясе у каждого висел нож, а в руках были короткие дубинки. Паренек заметался, не в силах определить, кого из нас он боится больше. С одной стороны, я был один, а их трое. Но с другой — я довольно легко его выследил, и воришка не представлял, чего еще от меня ожидать, а те, кто поджидал его, были старыми знакомыми. Видимо, это перевесило, и он обреченно, на деревянных ногах поплелся к ним.

— Эй, малый, как жизнь? — Один из троих сплюнул ему под ноги.

— До сих пор было нормально, Лют, — тяжело вздохнул подросток.

— До нас тут слушок добрался, что ты на рынке какого-то заезжего обчистил. Это он? — Юноша кивнул на меня.

— Он, — согласился карманник.

— Убого выглядит. — На меня парни внимания не обращали, словно я был пустым местом.

Лишь у одного во взгляде появилось удивление, когда я не поспешил уйти, а двинулся к ним. Такое поведение оказалось им в новинку. Городская стража здесь не появлялась. Любой чужак, зашедший на их территорию, считался вполне законной добычей грабителей. Конечно, взять с меня можно немного, в этом их вожак был прав, но в маленьком городке и развлечений мало. Никто не упустит случая поучить наглого заброду уму-разуму с помощью тех же дубинок.

— Ты зашел в наши владения, малый. — Предводитель все так же не обращал на меня внимания. — Значит, надо делиться.

— Лют, одна монета на четверых не очень делится, — попытался поспорить парнишка и тут же был наказан. Дубинка одного из местных заправил врезалась в его живот, бросая тщедушное тело

на землю, прямо в лужу. — Лют, я отдам потом, — просипел подросток, даже не пытаясь подняться. — У меня сейчас в карманах ветер гуляет. Я три дня ничего не ел.

— Неудачное время? — Тот, кого он назвал Лютом, присел на корточки и сочувственно закивал. — Бывает такое, знаю. Только когда тебе улов попрут, ты же про нас и не вспомнишь. Не люблю давать в долг, малый. Выкладывай монету, у нас есть чем дать сдачи.

Я подошел уже совсем близко, и один из грабителей шагнул навстречу, преграждая мне путь.

— А тебе чего надо, дядя? — довольно осклабился он. — Шел бы отсюда, пока мы на тебя внимания не обращаем.

— Шел бы. — Я развел руками. — Да вы тут без меня делите мою последнюю монету.

— И у тебя неудачное время? — Лют перевел взгляд на меня. — Что же мне сегодня так везет на нищих оборванцев?

Теперь внимание всех троих было приковано ко мне. Дубинки красноречиво покачивались в руках. Пора.

— Ну же, ребята. — Они не заметили, как изменился тембр моего голоса, интонации. — Всем сейчас трудно. Но это не повод быть столь негостеприимными. Я-то по вашим лицам вижу, что вы не голодаете. А как же мне, одному, в чужом городе, без денег?

— Да, нехорошо выходит. — Лют даже покраснел от стыда. Остальные стояли молча, потупив взгляды. — Малый, отдал бы человеку его деньги. Что же мы, изверги — последнее отбирать.

Он замахнулся ногой, чтобы подкрепить свои слова крепким пинком в живот.

— Стой! — Мой приказ заставил Люта замереть.

Одно это слово, произнесенное с правильной интонацией, ударило уже не по остаткам совести — оно вызвало беспричинный страх. Двое других даже отпрянули назад, но я уже вернулся к прежнему тону:

— Стоит ли его бить? Взгляни, смотреть ведь не на что, кожа да кости. Еще пришибешь ненароком. Зачем тебе вешать его смерть на себя? Идите, ребята. Я вижу, вы люди серьезные, важных дел у вас и так хватает. Мы уж сами как-нибудь договоримся.

Лют полез в карман.

— У нас тут серебришка немного осталось, — смущенно произнес он. — Может, возьмешь? А то мы действительно... Ну не знаю, нехорошо как-то все выходит.

— Спасибо, Лют, не надо, — отказался я. — Просто идите, оставьте нас, мы сами все решим.

— Ну хорошо, — вожак кивнул с пониманием. — Ты, ежели по-

мощь нужна будет, приходи, — добавил он напоследок. — Мы же не изверги какие, понимаем, что к чему.

Они ушли, словно их и не было. Я присел над карманником. Щуплый парнишка лежал в луже, скорчившись, подтянув колени к груди.

— Вставай, — тихо сказал я.

Он съежился, ожидая нового удара.

На миг мне стало его жалко. Вся его жизнь была передо мной, словно на ладони. Жизнь затравленного одиночки. Он не знал ничего, кроме человеческой жестокости, а если и знал когда-то, давно забыл. На каждого он смотрел, как на врага.

— Раз уж ты из нас двоих самый богатый, тебе и платить за угощение.

— Какое угощение? — Он поднял голову и посмотрел на меня. Злобы в его взгляде хватило бы на десяток человек.

— Обычное, — ответил я, не меняя тона.

— Чего тебе от меня надо, дядя? — Он встал, держась за живот. Сейчас ему было больно. Подручные Люта не церемонились — удар, доставшийся подростку, свалил бы и взрослого мужчину.

Я протянул к нему руку, но он отпрянул, словно зверек.

— Не дергайся, — сказал я.

Он нахмурился, но, когда я вновь попробовал прикоснуться к нему, уже не пытался отстраниться. Привычно быстро я нашел несколько точек на его теле, несильно надавил. Парнишка убрал руку с живота.

— Что ты сделал? — Теперь в его голосе звучало удивление.

— Убрал боль, — пояснил я.

— Ты колдун?

— А ты веришь в колдунов?

— До сих пор не верил, но ты прогнал Люта. Я знаю его давно. Он не привык упускать добычу из рук. И вот сейчас — как ты убрал боль? Это колдовство.

— Нет, просто знания, — покачал я головой. — Как тебя зовут?

— Жданом родители нарекли, — хмуро ответил он.

— Ты сирота, — сказал я. Это был не вопрос — я знал, что так и есть.

— С чего ты взял?

— Ждан — значит долгожданный ребенок. Будь твои родители живы, разве допустили бы они, чтобы ты так жил?

Он вытер рукавом нос и с вызовом посмотрел на меня.

— Мои родители были хорошими.

— Но они — были, — ответил я. — Так ты идешь?

— Ты ведь можешь заколдовать и меня, — насупил он.

— Хорошо, — не стал я спорить, — можешь пока считать это колдовством. Могу, но не хочу.

— А Лют поймет, что ты его облапошил?

— Не знаю, может, да. Но на меня он руку больше не захочет поднять.

— А на меня?

— Не знаю. Пока ты со мной, он тебя не тронет. А потом может отыграться за все.

— Значит, дядя, ты мне и выхода не оставил? — В голосе его прозвучала слишком уж едкая ирония.

— Отчего же? Можешь больше не соваться в те места, которые он считает своими.

— Не пойдет, дядя. Я и сегодня сюда не собирался, да видишь, как кривая вывела.

Я повернулся к нему спиной и пошел прочь. Теперь выбор был за ним. Ждан встал и поплелся следом. Даже спиной я чувствовал все ту же обреченность. Его мысли были мне понятны. Убежать он уже не надеялся, как и справиться с человеком, обладающим моими способностями. Так ли это должно быть? В свое время некто, называвший себя Экспериментатор, точно так же повернулся спиной к одному бродяге, и бродяга тоже поплелся за ним, кляня судьбу. Этим бродягой был я, хоть, честно признаться, промышлял не воровством, а разбоем. Словом, как и Ждану, гордиться в прошлом мне было нечем.

Рыночная площадь опять приняла нас в свои шумные объятия. Мой новый знакомый слегка приободрился, когда наш золотой был потрачен на то, чтобы купить ему добротный шерстяной плащ и новые сапоги. Его стоптанные башмаки, подошва которых давно просила есть и уже не подлежала никакой починке, тут же отправились в мусорную кучу.

На остаток денег я приобрел немного вяленого мяса, несколько луковиц и три большие морковки, десяток крупных картофелин и горячий каравай ржаного хлеба. Скучный запас. По воровской привычке Ждан рыскал глазами по толпе, а один раз мне даже пришлось взять его за руку, которой он потянулся уже к кошельку толстого и, судя по одежде, весьма зажиточного горожанина.

— Забудь об этом даже думать, пока находишься рядом со мной, — строго произнес я.

— Так деньги закончились, — попытался возразить он.

— Это — наши заботы, не стоит перекладывать их на плечи и кошельки других людей.

— Ты видел его пузо? — возмутился мой спутник. — Бьюсь об

заклад, он даже не заметит, ежели у него пропадет пара серебряников.

— Зачем тебе сейчас деньги? — спросил я, выходя из толпы.

Он даже задохнулся, настолько этот вопрос показался ему нелепым.

— Деньги всегда нужны. Я уже забыл, когда нормально ел.

— Вот скоро и поешь.

Он удивился, когда мы вышли из города. Какое-то время воздерживался от вопросов, просто плелся следом, наслаждаясь тем, что ноги в тепле, а шерстяной плащ спасает от холодных порывов ветра с гор. Но чем дальше мы отходили, тем больше проявлялась его растерянность. Я вдруг понял, что Тихая Замуть — единственное место, которое Ждан видел в своей недолгой жизни. Город был для него всем миром. То, что лежало за его чертой, казалось неведомым, а потому страшным.

— Дядя, мы куда? — спросил он. — Ты еду обещал.

— Вот за ней мы и идем, — ответил я невозмутимо.

— Так там ни одной харчевни.

— Из харчевни без денег тебя поганой метлой погонят, — рассмехался я.

Недоумение на его лице сменилось паникой, а та очень скоро уступила место прежней обреченности. Я улыбнулся. Все это слишком знакомо. Когда-то я был на его месте. Сейчас его мысли мечутся, словно тараканы в комнате, где зажгли свечку.

Мы пришли к озерцу. Заросли скрывали небольшой мыс, уютный и незаметный со стороны. Я иногда ночевал здесь и здесь же припрятал вещи, отправляясь сегодня в город.

— Собери дров, — приказал я, сбрасывая одежду.

Стекавшая с гор вода была ледяной. Она даже летом нормально не прогревалась. Я отошел подальше от берега и погрузился под воду, привычно замедляя свое сердцебиение. Ловить рыбу я любил. Очень интересная тренировка для моих способностей, хоть и несложная. Наверняка простой рыбак с удочкой управился бы гораздо лучше. Когда я вынырнул, в каждой руке у меня было зажато по крупной рыбине. Ждан метался по берегу. Увидев меня, он что-то закричал. Ветер скомкал слова и отбросил их куда-то к югу. Я не видел никакой опасности ни для себя, ни для своего нового знакомого, а потому пошел к берегу не спеша.

— Ты чего, дядя! — заорал он, едва я ступил на мокрый песок. — Я думал, ты топиться пошел!

— Чего же тогда не спасал? — Я плюхнулся на берег под старой ивой, купавшей свои ветки в водах озера, очень похожей для меня на девушку, оплакивающую возлюбленного.

Ивы всегда напоминали мне о прошлом. Нежные прикосновения рук, печальный взгляд с застывшей в нем немой просьбой. Нет, она все понимала, не просила меня остаться. Словами не просила. Но взгляд... А я тогда даже не оглянулся, шел, и с каждым шагом идти было все легче. Словно порвал связь, которую мы считали вечной, одним махом. Но воспоминания возвращались непрошеными гостями. Я предпочел вечное одиночество. Может быть, зря...

— Так я того, в воде, это... — замылся он.

— Плавать не умеешь, — подсказал я, насмешливо улыбаясь.

— Да, — растерянно развел он руками.

— Ну конечно, — кивнул я. — Где же в городе плавать учиться.

Дров собрал?

Он кивнул и указал мне на небольшой ворох веток. Я рассмеялся. Во-первых, этого бы и на час не хватило. А во-вторых, сухие ветки лежали вперемешку с теми, которые Ждан только что отломил у живого дерева.

— Что не так, дядя? — насупился он.

— Все так. — Я оборвал смех. — Только дрова должны быть сухими, и этого мало.

— Где же их, сухие, найдешь? — возмутился он. — Дождь вчера прошел.

— Я имел в виду те, которые засохли, на которых листья уже не растут, — пояснил я. Да, в спутники мне досталось типичное дитя городов, которое в лесу просто не сможет выжить. Я встал, расшнуровал свой заплечный мешок, достал складной рыбацкий нож и бросил ему.

— Рыбу почисть.

Он с готовностью принялся за дело. Рыба — это еда, а его желудок урчал так, что на другом берегу было слышно. Я заходил в воду еще три раза, каждый раз приносил по две рыбины. Плавать я, как и Ждан, не умел. Справлялся и так. Потом вылез, натянул штаны и отправился за другой добычей. Вернулся с изрядным пучком зелени. Берега озера изобиловали нужными мне растениями. Молодые укроп и петрушка, лук-порей и даже дикий щавель — все это будет очень нелишним в похлебке. Под корнями старого дуба разворошил свой тайник и достал закопченный, выдавший виды котелок.

С чистой рыбы Ждан управился ничуть не лучше, чем со сбором дров.

— Ты вообще что-нибудь полезное умеешь делать? — спросил я, нахмурившись. — Или только воровать научился?

— Не твое дело, дядя, — огрызнулся он и сам испугался резкости этой фразы.

Я быстро набрал дров — благо здесь их хватало, — дочистил и выпотрошил рыбу. Костра развести мой спутник, понятно, тоже не смог. К счастью, я привык делать все сам. Очень скоро весело горел огонь, в котелке булькала уха, пять рыбин висели поодаль на длинном ивовом прутике. Морковку и картофель Ждан все-таки почистил, но с этим заданием не справиться было сложно. Купленный в городе лук и мясо я оставил про запас. В уху пошел порей, укроп, петрушка и немного дикого щавеля. Запас соли у меня всегда с собой, а на дне сумки лежала величайшая драгоценность — мешочек черного молотого перца. Люблю, когда в ухе много перца.

Пока готовилась еда, я привычно вырезал две ложки. Им было далековато до тех, которые продавались в городе, удобных, расписанных узорами, но на первое время сойдут. Ждан приплясывал от нетерпения, ловя аромат, поднимавшийся над котелком, жадно трепетавшими ноздрями.

Миска у меня была только одна, так что моему спутнику пришлось есть прямо из котелка. Уплетал он за обе щеки, особо не пережевывая, с какой-то звериной жадностью. Съел раза в два больше меня, словно похлебка была последней его трапезой в этой жизни. Я лишь печально улыбался, наблюдая эту его манеру. Он привык жить сегодняшним днем и от завтрашнего не ждал ничего хорошего.

Вечерело. Спать мы легли рано. Я, как всегда, усталости не чувствовал, но о чем-то говорить со Жданом время еще не пришло. А он так наелся, что даже встать не мог. Впрочем, выспаться у него тоже не получилось. Желудок не принял столько еды после долгой голодовки. Утром мне пришлось отпаивать парнишку настоем из трав. Впрочем, к середине дня он вновь чувствовал себя нормально, и ужин, состоявший из рыбы, запеченной в золе с кореньями, ел уже без прежней жадности, памятуя прошедшую ночь.

Теперь он стал молчалив, прежняя обреченность ушла, уступив место замкнутости. Он не понимал причины моих поступков, но видел перемены к лучшему в своей жизни. Уже на третий день сумел собрать достаточно хвороста и сам развел огонь. На четвертый пошел вместе со мной собирать зелень для похлебки и грибы, цепко примечая, что я брал, а что отвергал как несъедобное.

Каждое утро я начинал с серии упражнений. Не могу сказать, чтобы в них была какая-то особая необходимость. Скорее — дань традиции. Со стороны все это могло показаться элементами ка-

кой-то боевой школы. На самом же деле я всего лишь напрягал ряд мышц своего тела. Сперва — группами, потом — каждую по отдельности, не затрагивая других. Во-первых, это позволяло мне держать себя в постоянной готовности к действиям, ну а во-вторых, укрепляло контроль над телом.

К концу первой седмицы Ждан проснулся вместе со мной и попытался повторить мои движения. Как водится, у него ничего не вышло. В теле человека много сотен всевозможных мышц. Я контролировал их все до одной. Ему, как и прочим людям, такое было недоступно, а потому мои упражнения были для него верхом сложности.

— Научи, как ты это делаешь, дядя, — попросил он наконец.

— Во-первых, никакой я тебе не дядя. Ты можешь звать меня Искателем, — ответил я. — А во-вторых, не буду я тебя ничему учить.

— Зачем тогда я тебе?

— Пока — не знаю. Можешь уходить, если хочешь.

Он присел и задумался. Уйти? Прежний страх передо мной отступил куда-то вглубь. Он вспомнил свою жизнь до нашей встречи, потом оглянулся на последние дни — и вдруг понял, что не хочет возвращаться в город. Что его там ждало? Полуголодное существование, жизнь простого карманника, который рано или поздно будет пойман и отправлен на рудники, в самые глубокие забои, где не соглашались работать наемные рудокопы. А дальше? Если случайный обвал не сделает его калекой или вообще не унесет жизнь, то рудничная пыль, характерный кашель — и весьма болезненная смерть.

А в эти семь дней, проведенные со мной, он хорошо питался. Я не заставлял силой его что-либо делать, не бил, не унижал. Он даже начинал забывать то чувство постоянного страха перед городской стражей, которое преследует всех воров каждый раз, когда они тянутся к чужому кошельку. Он все так же не представлял, что ждет его впереди, но разве мог похвастаться раньше этим пониманием?

А я? Мне понравился этот парнишка. Он вел себя идеальным образом. Ему понадобилось всего лишь семь дней для понимания, что я могу открыть ему нечто, недоступное большинству людей. Ведь контроль мышц — это лишь первая ступень, и не самая сложная. Он видел часть моих способностей и был готов учиться. Не готов оказался я. Пятнадцать лет — это слишком мало для нашей науки. Я мог брать учеников не моложе двадцати одного. Человек должен полностью сформироваться сам, без тех многочисленных ограничений, которые я привнес бы в его жизнь.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. ПУТЬ БЕЗ ЦЕЛИ	5
Часть вторая. ЦЕЛЬ БЕЗ ПУТИ	202
Часть третья. ПУТЬ К ЦЕЛИ	387